

попаданец
ГОЩУНГ

Олег Ленкоранский

СНОВА
ДЕМБЕЛЬ

Олег Ленкоранский

Снова дембель

Серия «Дембель неизбежен», книга 1
Серия «Попаданец (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65086556

*О. Ленкоранский. Снова дембель: ООО «Издательство АСТ»; Москва;
2021*

ISBN 978-5-17-136344-4

Аннотация

Второй раз на срочную? Так не бывает, но иногда случается. Проснувшись на верхней полке в поезде, обнаруживаешь, что за окном 1988 год, тебе снова восемнадцать и ты едешь служить на далекую южную границу. Спасти СССР, изменить будущее или стать героем пограничником?.. Решать только тебе.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	28
Глава 4	56
Глава 5	69
Глава 6	80
Глава 7	95
Глава 8	106
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Олег Ленкоранский

Снова дембель

© Олег Ленкоранский, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

Все совпадения случайны, географические названия взяты с потолка, имена не настоящие, фамилии сгенерированы случайным образом. За достоверность приключений и описываемых событий автор не отвечает.

Глава 1

Мерный перестук колес. Запахи жареной курочки, вареных яиц, копченой колбасы, обильно перемешанные с крепким убойным ассорти мужских ароматов, такие привычные для старой доброй плацкарты. Бренчание подстаканников, шум просыпающегося вагона, ругань очередников в уборную в конце вагона – надо же, какой интересный реалистичный сон. До мельчайших подробностей прорисован.

Сладко потягиваюсь, словно провел ночь на пуховой перине, а не на тощем комковатом матрасе, обернутом во влажное серое рубище со смазанным штампом, должное изображать простыню.

Хороший сон, качественный. Когда же я последний раз пользовался услугами родной РЖД? Лет двадцать назад! Привык к самолетам – быстро, удобно, не особо дорого. По слухам от тех, кто все же пользовался поездами, качество заметно выросло с тех пор. Кондиционеры даже в плацкарте теперь не редкость, а в купейном вагоне вполне себе человеческие условия. Но это явно не тот поезд – здесь все старое, кондовое, привычное, как и должно быть в моем подсознании.

– Ну ты спать горазд! Вставай уже давай, скоро Дербент, санитарная зона.

Смутно знакомое лицо. Молодое и нахальное, с широкой

белозубой улыбкой.

– Леха, и ты здесь? – память услужливо извлекает из дальних, давно не используемых закутков мозга нужную информацию. С Лехой мы учились в одной школе, после восьмого класса судьба нас раскидала, потом снова свела в одной части и в одном призыве. Надо бы найти его телефон как-нибудь, посидеть за рюмкой чая, вспомнить былое, поговорить о семьях, детях, о внуках, о жизни вообще и о тех, кого уже рядом с нами нет.

Впрочем, сейчас новоявленный Алексей выглядит слишком молодо для своих пятидесяти лет. Какие там внуки – в таком возрасте он ещё со своей благоверной даже не познакомился. Лет восемнадцать-девятнадцать максимум. Нравится мне сон – насыщенный, и персонажи словно живые.

– Дербент, говоришь?

– Ага, столица Дагестанской АССР. Слезай, сейчас хавать будем. Мне бабушка пирожков напекла – пальчики оближешь, потом руки помоешь и ещё раз оближешь. Вкуснющие!

Все правильно. Тебе как раз столько и должно было быть. И Дербент мы проезжали, когда призвались и в часть ехали. Пирожков, правда, не помню. Но, по идее, почему им не быть в моем сне для полной достоверности? Должны мы были что-то есть в пути?

Что мы имеем в наличии? Полное совпадение с исторической реальностью, все, как и должно быть. Молодой ор-

ганизм, восемнадцать лет от роду, по всем признакам мой собственный, даже без зеркала могу с уверенностью это подтвердить.

Рубашка белая хлопчатобумажная, брюки куплены в ЦУ-Ме за девятнадцать рублей еще в девятом классе. Олимпийка синяя на молнии – точно помню, была у меня такая. Забавная игра памяти – даже цену вспомнил. Хотя быть этого никак не может – уже тридцать лет прошло.

Вещи старые, поношенные – тоже логично, новые, отправляясь в армию, никто в здравом уме не надевает. Оно вроде можно выслать домой, но чаще всего все просто пропадает или «деды» приватизируют. Хотя слово это здесь еще неизвестно широким массам.

Спрыгиваю с верхней полки и...

– Твою дивизию! – коленкой въехал в откидной столик, и оказалось, что это зверски больно.

Минут десять я молча сидел на нижней полке, пока не отошел от шока. Боль в ушибленной конечности мгновенно развеяла последние сомнения. Никакой это не сон, а провал в прошлое. Банальное и уже привычное явление для любого поклонника литературных приключений во втором десятилетии двадцать первого века. Ходила шутка, что в июне сорок первого попаданцев уже больше, чем диверсантов из «Брандербурга», а в приемной Берии докладные о необходимости командирской башенки и промежуточного патрона

только в письменном виде с иллюстрациями и в порядке живой очереди принимают.

– Ты не заболел, брателло? – вывел меня из транса голос Лехи. – Хлебни чайку и дуй быстрее в тубзик. Санитарная зона скоро, закроют нафиг, будешь потом за клапан держаться. За «сливной». Гы...

– Дербент – не столица Дагестана, а Махачкала.

– Да? – искренне удивился наш знаток географии. – А есть разница?

И вправду, рефлексировать можно потом, сейчас будет стоянка, минут сорок. Пополнение к нам добавится. Леха за чем-то купит на все деньги целый поднос заварных пирожных у разносчицы на перроне. Мы ими потом целый день давились и на утро тоже, а затем животами мучились.

Словно подтверждая мои слова, вечно неунывающий оптимист Леха вытащил из закров червонец и обозначил желание гульнуть напоследок.

Как сказал бы продвинутый геймер в моем времени, Алексей тщательно ознакомился с гайдами перед «прохождением» игры и теперь пытался следовать полученным рекомендациям. В переводе на русский он собрал все слухи и рассказы бывалых друзей и соседей, отслуживших в армии, и пытался использовать их опыт на практике. Злую шутку с ним сыграло то, что все дембели, которые его учили умуразуму, служили либо в стройбате, либо «вованами», то есть

во внутренних войсках. Лишь с одним исключением – братеньник отрубил три года на Северном флоте.

Вот кто-то из экспертов и поделился мыслью, что деньги в военной части все равно отберут граждане старослужащие, и будут в полном своем праве. Для стройбата, может, это и правда, но мы-то доблестные будущие пограничники, войска Кейджиби¹ между прочим. И такой беспредел здесь большая редкость. На самом деле, деньги в армии очень даже нужны, значительно облегчают жизнь, улучшают рацион и поднимают настроение. Тратить деньги в пути, тем более так глупо, вовсе не обязательно.

Кстати, сухпай с летехи надо требовать, иначе этот куркуль их проводнику за бесценок в конце пути сбросит. Только аккуратно надо провернуть, чтобы не засветиться. Вроде и невелика птица, замполит роты, лейтенант Коротченко, а зело вреден и пакостен, если невзлюбит случайно.

Снова выверты памяти, еще вчера я бы его и не вспомнил, и описать бы не смог. Сейчас увидел и сразу вспомнил» и самого «политрука», и его повадки. Оно вроде и не гнилой человек, помнится, но ненадежный – точно.

Итак, что мы имеем? Если память мне не изменяет, то сейчас начало ноября 1988 года. Поезд Москва – Баку, вагон плацкартный, как я уже упоминал, заполнен примерно наполовину. После Дербента, наоборот, народа будет больше, чем койко-мест. Местные, такое впечатление, что вооб-

¹ КГБ.

ще билетов не покупают – проводнику на лапу дать вдвое дешевле выйдет. Кавказ, одним словом, советская власть здесь весьма своеобразная. В результате пассажиров окажется на треть больше, чем положено.

Наша команда из двадцати двух человек и одного животного. Под животными я подразумеваю не товарища лейтенанта, и даже не младшего сержанта Зайцева, охраняющего пайки. Хотя кликуха у него подходящая – Кроль.

С нами едет восточноевропейская овчарка, вместе с хозяином. Владельца овчарки помню смутно, он откуда-то с Правобережья призывался, на пару лет нас старше, ему уже за двадцать сейчас должно быть. Сразу после приезда в часть его отправили в ветслужбу, и мы его не видели больше. В учебке его не было, а после армии он куда-то исчез без следа.

Служить мы будем на иранской границе, как нетрудно догадаться, но до нее еще доехать надо. Впереди больше тысячи километров и пересадка в столице Азербайджана.

Если и были у меня сомнения, то вид на город Дербент, открывающийся из вагонного окна, развеял их окончательно. Он и в следующем веке не производит впечатления, особой красотой не блистал, за исключением исторической части. Сейчас же выглядит, как на кадрах старой кинохроники, причем черно-белой. Так состарить декорации невозможно. Попаданство диагностировано окончательно и безусловно.

– Леха, ты только пирожные не покупай, – решил я предо-

стеречь друга от главной ошибки этого путешествия.

– Чего так? – удивился он неожиданному совету. – Я бы съел парочку. В армии нас тортами точно кормить не будут.

– Тут очень хитрые и наглые продавцы. У них никогда сдачи не бывает, особенно с крупных купюр.

– И что? – лаконичности моего товарища позавидовал бы рядовой Бельдыев. Тот за все время службы и трехсот слов на русском не произнес, помимо тех, что в Уставе записаны. Может, потому что по-русски плохо говорил, а может, от природы неразговорчивый был. Впрочем, товарищ из солнечного Туркестана еще где-то в пути, наверное, и до части не доехал пока.

– Ты ему червонец дашь, продавец побежит на вокзал менять. А тебе в залог поднос оставит с пирожными. И конечно, опоздает. Нужны тебе пятьдесят эклеров?

– Скажешь тоже, опоздает. Стоянка минут сорок. За это время двадцать раз можно на вокзал сбегать, туда и обратно.

– Вот-вот, именно это он тебе и скажет. Чтобы ты согласился.

– Ай, выдумашь ты всякую ерунду.

Как только поезд подполз к перрону, тут же объявились лоточники с залежалым товаром.

Леха отправился на разведку и вернулся весьма озадаченный.

– У них мужики продавцами работают! И сговорились все. Никто с десятки сдачи не дает, обещают сбегать разменять

на вокзал.

– Тут так принято, мужик в магазине торгует, баба в поле пашет и хозяйство тянет, – пояснил Камиль. – Садись лучше жрать, пожалуйста.

Камиль из татар, но городской, вылетел из института после первого курса, как и я. По-русски говорит чище многих, но хитрит и скрывает свою образованность. Тоже рабочая тактика в армии: прикинешься тормозом, от тебя и отстанут. Опытного прапора так, конечно, не проведешь, но какого-нибудь летеху после училища – запросто.

– Саныч, – любитель сладкого никак не уймется. Александр Александрович – это я, между прочим. – Саныч, я все одно не введу. Он же в залог пятьдесят пирожных оставляет, по тридцать копеек каждое. Еще и поднос алюминиевый – он тоже денег стоит. Всяко больше червонца выходит. В чем обман?

– Ты пирожные сам считал или на слово поверил? – развеселился я. – Там штук сорок всего. К тому же они маргариновые. Им красная цена пяток за штучку в базарный день, да то если свежие. Поднос им проводница на обратном пути вернет. Тут схема надежная. И главное – никакого явного криминала.

– Тьфу, басурмане, совсем совесть потеряли.

Шутки шутками, а сейчас здесь столпотворение начнется, народ надо проинструктировать, как свой отсек оборонять от безбилетных попутчиков. Самый верный способ – собач-

ку сюда перетянуть. Она отпугнет аборигенов.

Глава 2

Приходилось мне бывать в Баку в прошлой жизни, в следующем тысячелетии, считая от нынешнего. Уговорила супруга на Евровидение съездить. Контраст разительный. Нет ещё зданий, похожих на языки пламени, и сам город больше похож на средневековый Стамбул с советским колоритом, а не на пародийный Дубай будущего. Но если честно, сейчас он выглядит намного интереснее, жалко, что знаменитую Девичью башню отсюда не видно. Не удивительно, что происхождения Семен Семеновича из «Бриллиантовой руки» здесь снимали – никаких декораций не надо.

Сидеть нам на вокзале до самого вечера, если не ошибаюсь. Пока не соберем всю гоп-компанию из призывников, никуда не тронемся. А может, просто поезд раз в день до Астары ходит. Это небольшой городок на границе, половина наша, половина у персов. Но мы раньше сходим – нам в Лениноран надо, рано еще, сначала учебка три месяца в отряде. Отрядом в погранвойсках называется войсковая часть. Почему – не знаю, но вполне официальное наименование. Сороковой погранотряд, например.

У нас прибавление, сержант Сидоренко с дагестанским пополнением присоединился к нашей команде. Он вместе с нами на одном поезде прибыл, но в другом вагоне. В отличие от Зайца, отслужившего год, он «майский», ему на дембель

весной. С ним у меня небольшой конфликт был на почве неуставных отношений, но мужик он в целом нормальный, не беспредельщик. Как говорится: не я такой, жизнь заставила.

Лейтенант, оправдывая высокое звание замполита, а, как известно, это самая важная и одновременно самая бесполезная должность в армии, забил на службу со всей возможной тщательностью. Возложил ответственность на сержантский состав, а сам забурился куда-то.

Зато нам лафа полная. Можно, как выразился Леха, свободно «шлындать» по вокзалу и даже по соседним магазинам пробежаться при желании. Благо мы еще в гражданской одежке и патрулю до нас дела нет. Хотя я бы на это особо не надеялся, наши славянские рожи выделяются на фоне местных торговцев, как мексиканец среди эскимосов. Да и помятый «бомжеватый» вид сразу выдает будущих славных воинов.

С вокзала можно позвонить родителям. Прямо в здании есть переговорный пункт, где стоят междугородние автоматы. Цены кусаются: 15 копеек за полминуты, к тому же обмен денег тоже платный. Это местное ноу-хау. В аппарат нужно бросать только пятнадцатикопеечные монеты, а с собой их обычно много не бывает.

Для этого здесь же сидят несколько усатых мужиков в брутальных плоских кепках, так называемых «муходромах». У них можно обменять бумажные деньги на монеты. Но только

с комиссией. Шесть монет за рубль или восемнадцать монет за трешку. Десять процентов комиссии идет в карман владельцу обменного пункта. Такса фиксированная, никто не уступит ни копейки, хотя занятие по идее абсолютно незаконное. Но здесь свое понимание социализма, поэтому перевоспитывать их бесполезно. Мы по наивности в прошлой жизни пошли жаловаться в линейный отдел милиции целой делегацией, так на нас там как на умалишенных посмотрели и вежливо послали служить дальше.

Родителям позвонить не смог, минут десять стоял перед автоматом, но так и не решился. Позвонил соседке по дому, просил передать, что со мной все в порядке, а до них якобы не получилось дозвониться.

Поскольку продукты, взятые с собой, уже закончились, вторые сутки в пути, то встал вопрос с пропитанием. Леха, как и в прошлый раз, даже не подумал кормить призывников, хотя количество мешков и коробов, перетаскиваемых нами же, заметно уменьшилось. Похоже, процесс распродажи уже пошел. Вот ведь пройдоха. Деньги у меня есть, рублей тридцать примерно, и лечебное голодание не грозит, но тратить их бездарно, как в прошлый раз, нет желания. Я же не один в команде, «точить хавчик» втихаря не по-пацански. Даже в двадцать первом веке это запахло, а тут и подавно.

Покрутился рядом с дежурным, угостил сигаретой. Сам не курю, но стратегический запас взял. Не только Леха гайды по прохождению срочной службы изучал, но и мне опытные

люди советовали. В армии и на зоне курево всегда в цене. Сравнение с зоной меня тогда покорило, но смысл понял правильно. Вот и пригодилось. Болгарские «Родопи» – это вам не «Астра» без фильтра. Поэтому сигарки приняты дежурным с благодарностью. Ценной информации от него не дождался, зато срисовал телефонный номер комендатуры. У него как раз под стеклом на столе список экстренных номеров оказался.

Дальше проще. Вышел из вокзала, перебрался через площадь и с городского таксофона всего за две копейки позвонил в Бакинскую городскую комендатуру.

– Полковник Васин звонит. Какого буя у вас лейтенанты на железнодорожном вокзале тушенкой прямо на перроне торгуют. Вы тут совсем берега потеряли, что ли? Офицер, пограничник, в форме с вещмешком, как корабейник к пассажирам пристаёт с просьбой купить колбасный фарш в банках за полцены. Заявление в линейном отделе уже приняли. В Управление КГБ звонить, пограничники по их ведомству, или сами разберетесь? Через час перезвоню, доложите о результатах.

Положив трубку, отправился по следующему вопросу. Если до сего момента я занимался делами насущными, просто плывя по течению, то пришло время подумать о глобальном. Иначе я на три месяца зависну в учебке, не имея никакой связи с внешним миром, а сейчас, между прочим, ноябрь 1988 года. Ровно через месяц случится страшное землетря-

сение в Ленинакане, это в Армении. Это абсолютно точно помню, мы всей учебной ротой собирали по рублю с каждого солдата в помощь пострадавшим. Ни одного отказавшегося не было, здесь такое не поняли бы.

– Пацан, на мороженое заработать хочешь?

Малолетнего представителя коренного населения упрощивать долго не пришлось. Вообще не пришлось.

– Рупль давай, – улыбаясь всеми зубами сразу, тут же соглашается молодой нахал, умножив цену мороженого сразу раз в пять. Наверное, по причине близкой зимы.

– Рожа не треснет? Тут делов-то на минуту. Купи мне двадцать конвертов. Полтинник дам.

– Сам почему не покупать? – удивился юный комбинатор.

– Я не местный, мне он дорого продаст. А так тебе выгодно, мне выгодно. Всем – хорошо.

Версия так себе, на троечку с минусом, но для школьника сгодилась. Хотя доля истины некая в этой легенде есть, рядом с вокзалом цены много выше, чем на соседних улицах на такой же товар. То, что цена единая на всей территории Союза, здесь никого не волнует. Например, на ценнике указано: маленькая кружка кваса – 3 копейки, а торгуют по пять, и никто сдачу не спрашивает, знают, что бумажка просто так висит для красоты.

В РСФСР такое представить сейчас невозможно, сразу ОБХСС вызовут и срок впаяют, причем не условный. Но тут феодализм и не исчезал особо никогда. И мгновенно вернул-

ся, как только Союз распался.

Конверты сам купить не могу, меня обязательно запомнит продавец. И покупка нестандартная, и клиент не местный. Выяснить, в каком киоске куплена пачка конвертов, компетентным товарищам труда не составит, бросать письма придется рядом с вокзалом. Следом проверят всех пассажиров, в этот день прибывших в город, тут мне и амбец.

Так что светить моей рожей ни в коем случае нельзя.

Вручаю пацаненку заслуженные пятьдесят копеек и забираю пачку конвертов. Марки клеить не надо, они сразу отпечатаны. Кстати, все с пометкой «Авиа». Такие стоят дороже, но и доходят чуть быстрее. Весьма кстати.

Следующий этап – поиск адресов для отправки. Тут все проще. Тетрадка и авторучка у меня свои есть, хотя, конечно, надо их тоже здесь покупать, вдруг вычислят, что их в другом регионе продали. И снова на меня выйдут. Но это в конце уже будет.

Пока же покупаю в киоске «Союзпечати» кучу газет и журналов. Тут даже «Наука и жизнь» продается, причем всего за рубль двадцать. У нас это жуткий дефицит, а здесь свободно лежит, почему-то спросом не пользуется.

В каждой газете или журнале обязательно указан адрес редакции, куда следует посылать письма, отзывы и пожелания. Вот по всем этим адресам и проведем рассылку.

С содержанием послания не сильно напрягался. Просто указал дату, когда произойдет землетрясение, примерное ко-

личество жертв, если не принять меры. Заодно упомянул, что при строительстве цемент воровали в разы больше, даже по армянским меркам, поэтому бетон, из которого построены многоэтажки, по сути, чистый песок и рассыпаться будет в прах. Названия Спитак и Ленинанкан выделил особо. В примечании указал, что копию отправил в Прокуратуру Союза ССР и в другие компетентные органы.

К сожалению, адресов указанных органов у меня нет, надеюсь, в редакциях сами сообразят позвонить туда или перенаправить письма.

Шанс на успех крошечный, но хоть что-то успел сделать, пока я здесь. Кстати, вопрос, насколько долго затянется моя армейская одиссея, повис в воздухе. Может, через неделю меня обратно выдернет, а может, навсегда здесь застряну?

В любом случае грех жаловаться. Молодой, здоровый, даже зубы все целые – это ли не счастье? Впереди два года удивительно прекрасной армейской жизни. Если быть точным, то пограничники сейчас служат два года и три месяца в среднем. До прибытия молодого пополнения границу без охраны оставлять нельзя, поэтому дембель светит, только когда молодняк закончит учебку и придет на смену. В моем случае это март девяносто первого года, как раз Павловская реформа случится.

И это мне еще повезло, сначала распределение было в Сочи, морчasti погранвойск. А там служат три года с хвостиком, дольше, чем на флоте!

Кстати о реформах! Это ведь очень хорошая тема, можно сказать, благодатная. Особенно в южных республиках. Это я удачно вспомнил.

К моему возвращению лейтенант еще не появился, зато следы моей информационной диверсии уже проявились. Красный, как рак, майор, комендант вокзала рвал и метал, требуя найти этого му... Нехорошего человека.

Дежурный лишь тянулся, «никакнекал» и мычал что-то невразумительное.

Ситуация созрела и требовала окончательного штриха.

Выбор мой пал на товарищей из Дагестана. Эти права качать любят, по поводу и без, вот и направим их энергию в созидательное русло.

Нашел Магу, он у них за предводителя, разъяснил ему, что по закону нас кормить обязаны, и пока начальник военный комендант здесь, надо пользоваться случаем, иначе так и будем лапу сосать до самой части.

Возражений не последовало, Мага лишь поинтересовался, откуда его имя знаю. Я неопределенно отбрехался, что кто-то из его братанов на него показал, как на человека авторитетного.

Предводитель дагестанского казачества, тьфу, землячества, весьма своеобразный чел, и прошлое наше знакомство началось с взаимного мордобоя, но зато потом мы «скорешились» и на дембель уходили добрыми друзьями.

В этот раз обошлось без драки, но взгляд парламенте-

ра, представляющего голодающих дагестанских призывников, был настороженным и недружелюбным. Впрочем, голод не тетка, и с моим предложением Магомед Тагаев согласился без возражений.

Комендант от нас отмахнулся, но сам факт «голодного» бунта зафиксировал. И звездюлей лейтенанту теперь точно не избежать. Я же скромно затерялся во втором ряду из двух десятков митингующих и теперь был вне всяких подозрений.

И доброе дело сделал, и не засветился. Похоже, это мое новое жизненное кредо теперь.

Теперь приступаем к оперативному плану «Денежная реформа недорого».

Причем название идеально точно отражает его содержание. Но для начала надо выбрать жертву.

Клиента долго искать не пришлось.

– Аэрапорт. Каму аэрапорт? Билеты самалет, – брэнча ключами и сверкая золотой фиксой, рядом с кассами нашелся нужный кандидат. Кожаная куртка, золотой перстень, наличие автомобиля – все признаки платежеспособности и нетрудовых доходов заодно.

Недолго думая, подошел и в лоб спросил:

– Аэрофлот до Москвы сделаешь?

– У тебя деньги есть? Семьдесят пять рубль будет, – скептически оценив мой внешний вид, озвучил ценник спекулянт.

Хорошая накрутка на билеты, раза в полтора дороже, чем в кассе. Впрочем, кто их видал в кассах? Если только по воинскому требованию, но таких счастливиц немного, да и не положено служивым, если по личной надобности реактивным способом рассекать атмосферу. Исключительно поездом. Но при желании можно сдать требование и доплатить разницу между купе и самолетом, причем, призывников Аэрофлотом возили – помню.

– Дорого, – скривился я. – На январь можешь сделать?

Владелец золотой фикса задумался, высчитывая в уме сроки до начала продажи билетов.

– Рано еще. Но если заранее брать будешь, скину мал-мало.

Я выдержал паузу, достойную артиста ТЮЗа с трехлетним стажем работы, и приступил к процессу охмурения.

– Если двадцать билетов сразу возьму, почем отдашь?

Фиксатый озадачился. Подумал, наверное, что на дембель целая группа поедет. Прикинул и решил, что можно уступить.

– Почему нельзя? Можно. Шестьдесят пять рубль устроит? Все Москва лететь?

– Тебя как звать, уважаемый? Саяд? Так вот, гардаш² Саяд, я тебе один умный вещь скажу, а ты подумай немного, потом ответ скажешь. Сможешь сто билетов на середину января сделать? Понятно, что не сейчас, а когда продажу от-

² Уважительная форма обращения. Дословно: брат.

кроют.

Точно не помню, но вроде бы за сорок пять суток сейчас продают авиабилеты.

– Ты не ошибся. Сто билетов. Не важно куда, хоть Владивосток, хоть Хабаровск. Куда проще – туда и бери. Лишь бы подороже. С каждого билета тебе десять рублей. Тысяча чистыми тебе. Подумай, если что – найдешь меня в воинском зале.

Минут через тридцать спекулянт созрел и появился в дверях, намекая, что нужно поговорить.

Общаться на сухую я отказался, предложил перебраться в шашлычную, которая напротив вокзала.

Дар ясновидения мне четко сообщил, что платить в этот раз я точно не буду, поэтому заказал от души. И люля и соус – здесь мясо с картошкой так называют, и айран в кувшине, и лаваш свежий с зеленью и брынзой.

Саяд даже растерялся от моего напора.

– Угощайся, – предложил я будущему спонсору банкета, еще не подозревавшему о своей щедрости.

Навернув от души, а на отсутствие аппетита жаловаться не приходилось, я перешел к делу.

– Представь, йолдаш Саяд, что вечером тридцать первого декабря по телевизору объявляют об обмене денег. Что ты будешь делать?

Йолдаш, он же гардаш – в переводе это или товарищ или брат, или что-то похожее, я не помню, но не ругательство

точно. Я их наизусть знаю.

Йолдаш Саяд чуть не подавился от такого вопроса и завис на целую минуту, лихорадочно соображая, что он только что услышал.

– Разве такой можно быть? – выдавил он, наконец, нечто вразумительное.

– Разве может быть что-то другое? Ты вокруг посмотри, сколько денег у людей, а купить нечего. И больше всего денег у цеховиков и кооперативщиков. Их и будут стричь в первую очередь. Именно поэтому менять будут с хитростью... Впрочем, пойдем на воздух, подышим. Расплатись пока. Там продолжим.

В принципе я не особо приврал, лишь слегка передвинул сроки. Но ситуацию описал почти честно. Денежная масса на руках у населения к 1989 году превысила весь годовой запас советской торговли в несколько раз.

Особенно сильно эта диспропорция проявилась в южных республиках СССР, здесь в теневом обороте уже свободно ходят суммы, измеряемые миллионами и сотнями миллионов. Могу поспорить, что этот фарцовщик билетный имеет заначку тысяч пятьдесят или семьдесят – и все крупными купюрами. Павлов ведь не дурак был, правильно мыслил, только получилось все как обычно.

– Саяд, ты человек хороший, сразу видно... – Конечно, хороший, ведь он только что четвертак отдал за мой обед. – И умный, раз на «Волге» ездешь.

Не спрашивайте, какая связь между умом и наличием «Газ-24» семьдесят пятого года выпуска, – здесь это само собой разумеется.

– И как умный человек, ты, конечно, догадался, что менять будут только крупные купюры. Причем только небольшую сумму и в течение трех дней. Пятьдесят и сто рублей, ведь мелочь никого не интересует. Никто же не хранит деньги в десятках. Правильно?

– Канечна. Это целый мешок будет... Й, @#&!!! – последнее выражение означает высшую степень словесной экспрессивности. Перевод опустим, вдруг дети читают.

– Ты прав. Обменять деньги не получится. И вот здесь нужна моя *схема*, которую я тебе рассказал. На все деньги покупаешь авиабилеты, а через неделю сдаёшь их и получаешь нормальными купюрами. Если за месяц до вылета, то комиссию не берут. Скажи, здорово?

Саяд задумчиво сплюнул кусок шашлыка, застрявший в зубах, и поделился своими сомнениями:

– Зачем ждать, если сейчас менять быстро делать?

– Это само собой. Ты знаешь, я знаю – мы заранее подсутимся. Остальные не в курсе, куда им деньги девать на Новый год. Тут ты нашу схему предлагаешь. За неделю на новый «Газ-3110» срубишь.

Я даже позавидовал Саяду, такое у него одухотворенное выражение было на лице, когда он это представил. Какие там Нью-Васюки – там целый Рио-де-Жанейро и белый пароход

в мечтах.

– Я думал, ты гвоздики хочешь самолет возить, поэтому много билет хочишь, – неожиданно поделился своими мыслями собеседник, – а ты савсем мощный *схема* придумать.

Глава 3

В качестве бонуса мне достался блок сигарет «Ту-134» и два ящика яблок, сезон отправки нового урожая на рынки Центральной России в самом разгаре. Саяд расщедрился после того, как я посоветовал ему не жадничать и продать информацию уважаемым людям. Обмен денег могут и отложить, а такие сведения быстро утекают и теряют ценность. До возможности закупиться железнодорожными билетами и обменять их на деньги в случае реформы он сам догадался после моей подсказки.

Сигареты и вовсе достались просто так, когда новый знакомый узнал, что служить я еду в Астару. Я забыл очевидную вещь, что там погранзона, и так просто туда не съездишь. Между тем иранские товары там продаются вдвое дешевле, чем у проводников единственного поезда, туда следующего.

Подарок принял, все одно компаньон на моей афере озолотится, а мне в будущей армейской жизни всякий запас на пользу. Над идеей заняться перепродажей контрабанды только посмеялся, тут каждый такой чих под присмотром внимательных товарищей. И заниматься этим в промышленных масштабах можно только под серьезным покровительством, ради пользы дела конечно же. Ага.

Наскипидаренный и перепуганный лейтенант выдал двойную порцию пищевого довольствия и до прибытия в отряд

умело прикидывался ветошью и не отсвечивал попусту, держась от каждого шороха.

Грузились уже затемно, впрочем, в ноябре уже в девять часов, как ночью. Удивительно, но в этот раз мы попали в купейный вагон, наверное, в плацкарте мест не хватило, только наша сборная команда разрослась до ста с лишним человек. Перед самым отправлением объявился прапорщик с группой товарищей, обладающих характерными манерами, узнаваемой внешностью и гортанным говором.

М-да, куда же без них. Ингушское пополнение прибыло. Честно говоря, даже через тридцать лет я так и не понял принцип комплектования нашей части. Примерно сорок процентов составляли выходцы из Дагестана и Чечено-Ингушской АССР. Еще сорок процентов – призывники с Украины, в основном с Донбасса. В этот момент, при воспоминаниях о будущем, мое настроение резко испортилось. Плюс немного ребят из Средней Азии для разнообразия. Из РСФСР только два десятка человек из нашей области, причем среди них четыре татарина и два казаха. Полный интернационал, однако.

Впрочем, национальные проблемы в данный период мало кого волнуют, кроме армян с азербайджанцами, хотя, конечно, сказываются на службе, и поэтому их надо учитывать отдельно.

Ингуши оказались в соседнем вагоне, поэтому об их су-

ществовании пока можно забыть.

По причине ночного времени, любоваться пейзажами за окном не очень удобно, хотя я бы с удовольствием посмотрел. В прошлый раз точно так же темно было, а когда обратно ехал на дембель, то хряпнул на радостях в вагоне-ресторане с каким-то майором и сержантом-десантником и проспал до самого Баку. Много ли надо после двух лет воздержания? Вопрос риторический.

В соседнем купе обнаружилась гитара, и, конечно, я не мог упустить шанс имени писателя Конюшевского. Попадаец, не перепевший ни одной песни Высоцкого, – это зря потраченное время и энергия на перенос во времени.

Шутка. Петь чужие песни с моим чудесным слухом, на котором потопталось все поголовье медведей Нечерноземья, – это глупо. Тем более что Высоцкий уже успел исполнить весь свой репертуар до моего появления.

Но судьба, словно издеваясь надо мной, подкинула шанс отметить и на этом поприще!

Напротив выхода из музыкального салона, оно же купе номер три, образовалась кучка зевак, жаждущих приобщиться к прекрасному. Из прекрасного исполнялись Кузьмин, Макаревич и еще кто-то неопознанный с невразумительными текстами.

– Лучше бы про пограничников спели, – раздался судьбоносный голос сержанта Зайцева.

Коллективный вагонный разум попытался вспомнить хоть

одну песню о доблестных защитниках границы, но неожиданно выяснилось, что таких не существует в природе. Конечно же, если поискать в архивах фирмы «Мелодия», то нашелся бы шлягер какого-нибудь Геннадия Белова от 1976 года с упоминанием границы всуе, но народная память в данном конкретном вагоне не сохранила ни текстов, ни мелодии.

Видит бог, не хотел! Оно само случилось!

Пришлось мне брать гитару в руки, при этом клятвенно обещая в душе, что это первый и последний раз в этой реальности.

– В военкомат призвали, автомат в руки дали... – завопил я, поскольку трудно назвать это нормальным пением. – ... Паровоз умчится, прямо на границу!

Слышал бы Агутин мое исполнение, он бы, наверное, от ужаса в пеленках перевернулся. Или он уже в детсаду на горшке сейчас сидит? Так и не вычислив возраст бывшего исполнителя, я мысленно пожелал ему удачи в будущем творчестве и новых песен заодно.

Критиковал я себя напрасно, публика пришла в полный восторг. За исключением владельца гитары, которому не понравилось использование ее поверхности еще и в качестве барабана. Но его мнением общество пренебрегло, и мне по просьбам трудящихся пришлось исполнять шлягер еще трижды.

«По просьбам трудящихся» – это универсальный и рас-

пространенный здесь мем, обозначающий неопределенную группу людей, которых никто не видел, но ради них все делается.

Лишь Заяц внес ложку дегтя в бочку повидла, заявив, что такое мог написать только тот, кто не служил на границе. Назвать погранца солдатом – это почти оскорбление.

– Пограничник – это щит Родины, а солдаты – это шурупы в этом щите! Поэтому обычного солдата надо называть шурупом, – произнес он с видом откровения, достойного копирования на скрижали поверх основного текста.

Помнится, эту ахиною мы всерьез повторяли, даже не пытаясь найти смысл в этом наборе бессмысленных слов. И всерьез считали все остальные рода войск «шурупами».

М-да, радуется, что это с возрастом само проходит у всех, без следа и даже без лечения.

– Что здесь происходит? – нарисовался начальник. – Всем отбой, расходимся по местам.

– Товарищ лейтенант, разучиваем строевую песню, – попытался вывернуться я, зная манеру этого клеща цепляться и пить кровь по любому поводу. – Представляете, идем мы от вокзала к части и уже с песней. Сразу видно, что новое пополнение политически грамотное и активное.

– Откуда знаешь, что мы пешком от вокзала пойдем, а не на машине, – мгновенно насторожился бдительный клещ в погонах.

Тьфу, совсем забыл, что летеха еще и помешанный на

шпионах. Его с 16-й заставы сняли, за то что он начальник геологической партии выловил, когда тот в море купался. Объявил диверсантом-аквалангистом и полсутки держал под арестом.

Пропавшего посчитали утопшим, геологи нашли одежду на берегу и, когда с погранотряда им дозвонились, ответили, что их начальник утонул. Коротченко не нашел ничего умнее, как заявить, что это шпион, который вместо умершего попытался внедриться в СССР.

Короче, дурдом и бордель в одном флаконе. Вот его и забрали в отряд, от греха подальше.

– Никак нет, товарищ лейтенант. Не могу знать, где воинская часть находится. В машине тоже петь можно, но строем и пешком с песней лучше, – включил я дурачка. – Политически грамотно. Сразу видно, что командование работает с личным составом.

Ф-ф-фух, вроде проскочило.

Политрук задумался, подарок судьбы в виде нового полкового марша, выученного под его чутким руководством, – это весьма серьезно. Работа политического руководителя трудна и неблагодарна, результаты оной трудно различить невооруженным глазом, а отчитываться перед начальством надо постоянно. На одних лекциях и плакатах далеко не уедешь. Поэтому упускать шанс записать себе в заслуги такой неординарный подвиг летеха не стал. В результате дал нам еще час на тренировку и «слаживание» хора. Еще и со-

седние купе вздрючил на это дело. Хорошо, что не соседний вагон. Представил, как уговариваю ингушей на ночь глядя спеть в стиле милитари-рэп, и мне стало очень весело.

Вернулся в купе, где заботливый друг Леха организовал горячий чай на все купе сразу. Вдогонку к едва темной жидкости пошли остатки пряников и карамель, последние домашние запасы.

– Почем кипяток для народа? – поинтересовался я, ощутив вкус свежесваренного веника.

Что больше всего меня удивляло на Кавказе и в Закавказье, то, что здесь всюду готовят изумительный вкусный чай. Может, потому что растет он здесь, может, потому что заваривают по-другому. Но если попадешь в бакинский или дагестанский поезд, они в России и даже на Украине встречались в девяностых, то тушите свет – только пакетиками спасаешься. Ни стыда ни совести, даже с учетом пониженной профессиональной ответственности – вместо заварки сода для создания коричневого цвета и реально рубленые ветки чайного куста, самого дешевого грузинского сорта.

Похоже, именно такой «совестливый» проводник нам и попался, да еще и пять копеек сверху с каждого стакана содрал.

Леха пошел качать права, но был послан в сторону иранской границы в пешее эротическое путешествие. Проводником оказалась мощная ханума весом далеко за центнер и в объёме более метра, так что шансов у него не было изна-

чально.

Я лишь посмеялся над искателем справедливости в вагонах дальнего следования. Кто же так с проводниками общается? Тут надо индивидуальный подход и стратегическое мышление, а он с наскока решил эту крепость взять.

Но тут по коридору продефилировал лейтенант и объявил отбой. Так что перевоспитание проводника вынужденно отложили до утра.

Забравшись на верхнюю полку, попытался заснуть, но не смог. То ли влажные простыни, то ли подушка с гигантскими комками внутри, то ли матрас, напоминающий растянутый мешок с редкими вкраплениями ваты, мешали насладиться ночным покоем, но промучившись час, решил выйти «покурить».

Никакого противоречия здесь нет. Быть некурящим в армии – это самому себе злобным Буратино быть. Ибо перекур – законное право советского мужика, хоть в армии, хоть на гражданке. Если же ты по глупости заявишь, что враг никотину, то тебе перекур не положен, и это абсолютно логично с точки зрения начальства. Но солдат, прохлаждающийся без уважительной причины, – суть чистое зло, и поэтому пока все курят, ты вкальываешь как папа Карло.

Знаем – плавали уже, второй раз на эти грабли наступать я не согласен, поэтому буду изображать курящего. К примеру, выйти ночью после отбоя в тамбур без повода – серьезный косяк, а если ты решил вытянуть сигарку – то понятное и

допустимое действо.

Тем более что там обнаружился младший сержант Кроль, занятый тем же самым.

– Угощайтесь, товарищ сержант. Болгарские, – повесил я в звании Зайца, что ему определенно понравилось.

Я лишь мысленно усмехнулся, товарищ Зайцев обладал целой кучей комплексов, прежде всего из-за маленького роста и хрупкого телосложения. Из-за чего деды над ним потешались чаще, чем над другими. Мне его даже жалко немного, но только очень немного. Он потом пытался отыграться на нашем призыве, компенсируя все накопившиеся обиды и унижения, но и с этим ему обломилось. По мелочи пакостил много и изобретательно.

Вообще, это отдельная тема, но почему-то подавляющее большинство тех, с кем придется служить, оказались впоследствии нормальными и хорошими людьми, а здесь сначала встретились мне именно два исключения из правил. Выпускник Львовского политического училища и несчастный затурканный Заяц, заведующий выдачей масла. Если кто-то подумал, что он сидит на раздаче сливочных шайб в столовой, то ошибается. Кроль отпускает моторное масло и бензин в автопарке, причем ворует и бадяжит безбожно.

Впрочем, все знают, что без зампотеха такие вещи в принципе не реализуемы. К сожалению, последние годы Советского Союза чувствуются уже на всех уровнях, бардак и хаос стремительно нарастает. И если в России это пока не ощу-

щается в полной мере, то на Кавказе и в Средней Азии полная... рифма к слову Европа.

– Товарищ сержант, вы идите поспать, а я покараулю. У меня все равно бессонница, а у вас завтра тяжелый день. Таковую толпу гражданских неумех построить и до расположения части довести – не каждый справится.

Кроль надулся от гордости, стрельнул еще пару сигарет про запас и завалился в свое купе.

Тьфу, какая мерзость этот табачный вкус.

Открыл дверь, сразу пахнуло йодом и морем – Каспий где-то рядом, но в темноте его не видно.

Хорошо, блин! До скрежета зубов. Но отчего такая тоска на душе? До сих пор не верю до конца, что это со мной случилось. Вторые сутки пошли, а только сейчас накатило. Похоже, я здесь насовсем или очень надолго. Придется вживаться и привыкать к реалиям этого времени.

Самое удивительное, это отношения между людьми. Я уже и забыл, что мы такими были. Немного наивные, немного романтики, доверчивые и открытые.

Даже местные спекулянты и аферисты вызывают умиление – они такие... Даже не знаю, как сказать. Начинающие проходимцы – вот! Хитрость их наивна и примитивна, без особых изысков и подстав.

Простой народ – это просто невероятное что-то. Даже речь другая, правильная и, я бы даже сказал, литературная в массе своей, сказывается хорошее всеобщее среднее образо-

вание. И даже блатной жаргон, который частенько вставляют в разговор, не скрадывает это впечатление. Здесь даже в телевизоре изъясняются исключительно культурно на языке Пушкина и Достоевского. Народ подсознательно впитывает, к тому же самая читающая страна – это тоже чувствуется.

Печально, что это последние мгновения великой уходящей эпохи, дальше только падение в пропасть, и ничего изменить нельзя. Или можно? Вопрос слишком сложный, чтобы ответить на него вот так сразу.

Для начала надо осознать свои возможности и перспективы, потом уже делать что-то. Торопиться надо, но аккуратно. Тем более что ближайшие месяцы мне ничего не светит кроме изучения Устава и матчасти, а также увлекательной шагистики на плацу.

Прежде всего, стоит оценить общую обстановку и вспомнить хронологию последующих событий.

Итак, Лениноран – это небольшой город на юге Азербайджана. Здесь расположен одноименный погранотряд. В зону ответственности входят более ста километров иранской границы в горной местности и прилегающая часть побережья Каспийского моря. Единственный пропускной пункт на железной дороге в городе Астара, о котором я упоминал раньше. Морчасти погранвойск к нам не относятся, они ловят нарушителей пограничного режима и браконьеров на воде, мы – на суше.

В самом городе находятся штаб, рота связи, авторота и

некоторые другие подразделения. Так сказать, центральная структура, как паук в центре паутины.

Кроме самого отряда есть еще шестнадцать пограничных застав и один КПП.

Остальные подробности пока не важны, да и эти вспомнил чисто для упорядочения информации.

Казалось бы, дыра дырой, один из почти сотни пограничных отрядов СССР, что здесь может случиться или произойти, способное войти в историю или тем более удостоиться попадания в Википедию.

Но не все так просто, как кажется. Именно здесь менее чем через год начнется фактически демонтаж одного из главных символов Советского Союза – государственной границы! На протяжении нескольких сотен километров «система» будет снесена и по факту граница уничтожена. Осенью-зимой 1989 года!

Еще ни одна республика не заявила о выходе или независимости, еще никто даже не думал о ГКЧП, а великая империя уже имеет гигантскую, никем не охраняемую дыру на сотни километров в своем подбрюшье.

И даже переброшенная из Витебска парашютно-десантная дивизия ничего исправить уже не сможет, лишь выведет под обстрелами из окружения пограничников с отдаленных застав.

Кроме того, недалеко отсюда, буквально в сотне километров, уже разгорается кровавый конфликт в Карабахе, и ко-

нечно же неотвратимо нависает январская катастрофа в Баку после ввода войск с танками и бронетехникой.

Но это все еще нескоро, сейчас же более актуальная задача: как жить дальше мне?

И это не такой простой вопрос, как кажется. Для этого я и привел обзор политической обстановки вокруг и ближайших перспектив.

Год спокойной и интересной жизни у меня в запасе точно есть. И в принципе, можно наслаждаться молодостью, здоровьем, благодатным климатом и прочими радостями службы. Их кстати, здесь много. Насчет климата – тоже не шутка. Лениноранский район – это единственное в СССР место с субтропическим климатом! Так и записано во всех географических справочниках. Формально еще и Батуми, но то – жалкое подобие.

Здесь и зимы-то в привычном понимании нет, снег пару дней держится, а в феврале температура плюсовая даже ночью. Летом красота неопишуемая, а какой чай растет – лучше цейлонского! Конечно, если его не бадяжить ветками и грузинской травой для выполнения плана.

Гранаты, инжир, кизилловые заросли и еще куча всего вкусного – все это добро растет свободно вдоль дорог. Конечно, если бы не погранзона, то ободрали и вывезли бы на продажу, но пока здесь просто райское изобилие дармовых фруктов. Так что авитаминоз нам не грозит при должной сноровке и предприимчивости.

Конечно, райский климат не отменяет всех трудностей солдатской службы, и добраться до фруктов можно только в самоволке, но все же приятнее, чем в Салехарде служить.

И даже на этом фоне выделяется 15-я застава, которая, по сути, лучший курорт на Каспийском море с песчаными пляжами и уютными командирскими домиками-бунгало. Но там предельно жесткая «уставная» жизнь, слишком часто там появляется начальство с генеральскими погонами, причем не только пограничными. На моей памяти даже парочка адмиралов засветились. Хотя, если память мне не изменяет, на Каспийской флотилии ни одного не было в таком звании, значит, с других флотов приезжали.

Жить по Уставу – это худшее, что вообще можно придумать для солдата. В некоторых случаях даже хуже, чем откровенная дедовщина.

Тем более мне откровенно запахло в генеральской службе два года пахать. Хотя, конечно, нужный контакт наверх там найти на порядок проще.

Нет, однозначно вычеркиваем из списка. На 15-ю заставу я и так попаду, если приспичит, но зато в качестве свободного человека, а не обслуги.

Жизнь пограничника чудесна и насыщена во всех ипостасях, но самый смак и полнота ощущений, конечно, только тогда, когда тянешь лямку на самой границе. Шикарные пейзажи, крутые горы и живописные ущелья, уникальные природные ландшафты – курорт да и только. Плюс питание

намного лучше, чем в отряде. И подсобное хозяйство свое, и кабанчика можно подстрелить на мясо. И начальства поменьше, и с дедовщиной вопросов нет. Боевое оружие под рукой, оно уравнивает и сглаживает противоречия в сроках службы. Нет, конечно, дедушка, он и там пользуется некоторыми привилегиями, а молодежь шуршит в полтора раза больше, но с настоящей дедовщиной и рядом не стояло.

Но тут есть шанс вытянуть вместо kota из мешка целого крокодила за хвост. Не все начальники застав одинаково прекрасные люди, и я, хоть убей, не помню, кто из них добрый самаритянин, а кто кровопивец натуральный. Попадешь к людоеду и будешь оставшиеся полтора года как на каторге. Такой расклад меня категорически не устраивает. Тем более что с заставы уже никуда не выберешься. Так и просидишь, как репа в грядке, пока доблестные десантники тебя оттуда на броне не вытянут в 1990 году.

Но самое главное, что в прошлой жизни я в отряде весь срок отмотал, здесь мне все знакомо, привычно и, главное, свобода действий кое-какая имеется. Опять же, почти все начальство как облупленных знаю, общий язык найти легче.

Понятно, что в предыдущей реинкарнации у меня не было свободы выбора, где служить и в качестве кого. Призывник – существо подневольное, куда судьба закинет, там и пригодился. Ближе ко второму году службы появляются варианты улучшения карьеры, но кардинально изменить что-либо уже трудно. Поэтому выбор воинской специальности и долж-

ность следует выбирать заранее. Желательно на гражданке. Но этот этап мы уже прошли, хоть и не сказать, что без пользы. Само по себе попадание в погранвойска – уже удача. Но этого мало.

Прежде всего, рассмотрим «блатные» места. Попасть на них сложно, но вполне реально при должной настойчивости.

Писарь в штабе. На самом деле, это несколько должностей, связанных с ведением учета, заполнением документов и прочими интеллектуальными извращениями, чуждыми настоящему солдату. Есть множество плюсов, в том числе освобождение от нарядов, погрузо-разгрузочных работ, конкурсов строевой песни и прочих радостей солдатской жизни. Но самое главное: «ноябрьский» писарчук идет на дембель самом первым – 10–15 января! Отличники боевой и политической подготовки, например, едут домой только в середине февраля, а особо невезучие или «залетчики» – вообще в марте. Это про осенний призыв, кстати.

Разновидность писаря – художник в штабе. К сожалению, эту должность судьба уже отдала Лёхе в прошлый раз, лишая друга такой удачи – некомильфо. К тому же он художественную школу закончил, а мой опыт рисования плакатов в армии слишком печален, чтобы о нем вспоминать. Кто бы мог подумать, что приложить рядового Имбергенова вместе с автоматом к холсту и обвести карандашом – это не самый удачный способ изобразить Героя Границы к празднику. Начальство не оценило новаторских изобразительных методов,

и я два дня после этого чистил картошку, причем не для себя ночью в парке, а для двухсот молодых, нагло дрыхнувших в этот момент, новобранцев.

И вообще, моя свободололюбивая личность не согласна протирать штаны два года рядом с начальством. Это ни в само-волку сходить, ни к ба... Нафиг такая служба, спрашивается? Насчет баобабов это оговорка, некуда здесь ходить налево, барышни в темных платках, укутанные до ног, лишь нос торчит наружу. И это на семидесятом году Советской власти! Или семьдесят втором уже? Упс, так и проколоться можно – такие даты от зубов отскакивать должны.

Как можно женскую красоту определить под толстым платком на расстоянии? Вдруг там крокодил натуральный? Вот то-то и оно!

Идем далее по списку.

Следующая по степени привлекательности должность – это помощник продавца в «чипке». В Уставе караульной службы такой должности вы не найдете, да и в любом другом Уставе – тоже. Но это не значит, что ее нет. Чипок – это буфет или магазинчик на территории части, в котором продают сладости, напитки, сигареты и выпечку.

Вариант идеальный со всех сторон, кроме опасности растолстеть к концу службы до безобразия. Но этот лотерейный шанс уже занят. Рядовой Гасанов служит помощником буфетчика всего полгода, и на дембель уйдет нескоро. Он до службы весил центнер, а сейчас еще больше. Упаси Бо-

же от такой напасти. Он даже обедает пирожными, в солдатской столовой его никто ни разу не видал. Удивляюсь, где ему форму подобрали. Наверное, по заказу шили, он местный, родом из Ленинорана, папа заведует торговой базой, по местным понятиям это фигура, равная второму секретарю райкома.

С глубоким сожалением вычеркиваем и этот пункт из числа возможных. У меня такой мощной родни нет, тем более в этих краях. Зато фигуре тоже ничего не грозит. Помнится, я похудел на двенадцать килограммов к концу учебки.

Из высшей лиги «блатных» должностей переходим в первую.

Здесь имеются две примерно равные вакансии. Обе связаны с ветеринарией, хотя и несколько разные по степени съедобности. Первая и самая вероятная, в свою бытность, я на неё чуть не попал. Начальнику служебного собаководства майору Джафарову требуется водитель на УАЗ-469, его как раз уходит на дембель. Очень хороший, замечательный человек, о котором у меня остались только самые лучшие воспоминания. В прошлый раз не сложилось, уже не помню почему, наверное, опыта вождения легковушки у меня не было.

Огромный плюс: постоянные разъезды вне территории части, ветслужба следит за всеми «парнокопытными овчарками» на всех заставах. И за собаками, и за лошадьми. Своя отдельная вотчина в отряде, там же стоянка автомобиля. Проживание вне роты – тоже неплохо. Единственный недо-

статок, кроме постоянного запаха псины в машине – свободного времени вообще нет, круглые сутки в дороге.

Вторая ветеринарная должность настолько курьезная, что всерьез ее воспринимать я не могу.

Не знаю, в чью гениальную голову пришла мысль выращивать свиней в мусульманском регионе, но у нас в отряде имеется свой собственный свинарник. И я не о казарме перед генеральной уборкой. На полном серьезе здесь целая свиноферма на три десятка пятачковых монстров. Обьедков им от столовой хватает с излишком. Заведует фермой мадам Зотова, вольнонаемная мадам, лет сорока. К ней прикомандирован один неволь... солдат, который с ней и живет. Тьфу, неправильно выразился. Впрочем, ходили слухи, что я правильно выразился.

Собственно, все. Остались только рабочие профессии, самые массовые и рассчитанные на трудолюбивых и выносливых, любящих маршировать и обожающих плац, как самое дорогое в жизни.

Комендантская рота, рота связи и авторота. Выбирай – не хочу.

Так и не решив, кем и в какой должности хочу провести ближайшие два года, я приступил к диверсионной деятельности в охраняемом мной вагоне.

Именно для этого я и сменил Зайца на посту. Время двенадцать, и пора приступать к делу.

Следует сделать отступление и пояснить, зачем мне эти

странные телодвижения и невнятные контакты то с билетным спекулянтom, то с проводницей бакинского поезда.

Прежде всего, это тренировка коммуникативных способностей, адаптация под текущую эпоху, все же менталитет за тридцать лет изменился очень сильно.

То, что попытки «вербовки» выглядят неуклюже, то мне простительно, я в Службе внешней разведки не служил, и весь мой опыт почерпнут исключительно из книг и телесериалов.

Вы когда-нибудь видели драку в лифте? Сильно она похожа на нормальную? Ни размахнуться, ни увернуться, ни кирпичом приложить. В спецслужбах это отдельная дисциплина – бой в ограниченном пространстве. Вот у меня нечто подобное, только в плане налаживания контактов с окружающими. Жесткое ограничение по срокам и крайне скупой выбор объектов для вербовки. К тому же непрезентабельный внешний вид и подконвойный статус по сути.

Конечно, лезть к фиксатому прямо на республиканском вокзале с таким предложением – верх безрассудства, там кроме линейного отдела милиции, еще и представитель КГБ обязательно сидит. Но на безрыбье и этот за лангуста сойдет, тем более что вроде удачно проскочил.

Теперь очередь за гражданкой Тагиевой Наргиз Гамбаркызы. Дал же бог имечко и отчество. Впрочем, здесь у всех такие. Информацию о том, что проводница именно «Гамбаркызы», я почерпнул из почетной грамоты, висящей в рамоч-

ке около окна в проходе.

Традиция вывешивать свои почетные грамоты в поездах мне больше нигде не встречалась, только в этих краях. Попадалась на глаза даже благодарность проводнику за поимку шпиона от имени начальника погранзаставы, с синей печатью, между прочим.

У моего дедушки, передовика социалистического производства, таких грамот было штук двадцать, у бабушки столько же, и не менее десятка почетных наград и медалей на двоих, но им никогда в голову не пришло бы обклеивать ими свой комбайн или ферму. Тут другие порядки и другой менталитет.

Почетная грамота в закавказских республиках – это прежде всего признак статуса и тонкий намек на хорошие связи в верхах и на влиятельного покровителя. В девяностые сказали бы, что это опознавательный ярлык от крышующей бригады, но мы не будем пользоваться такими сравнениями, ибо если не доказано, значит, не стопроцентный факт.

Совість моя чиста, не я первый начал, можно было в чай и настоящей заварки насыпать хоть немного, не обеднела бы мадам Тагиева.

Еще раз осматриваю вагон, чтобы составить впечатление о его хозяйке. Конечно, она тут не одна работает, но судя по манерам и напористости, сменщик тут ничего не решает. Почему я так думаю? Видели бы вы бархатные шторы бордового цвета, с бахромой, как у переходящего знамени. А

национальный орнамент на занавесках «вырви глаз», такое продавить – это надо настоящей гром-бабой быть. Так что ни один нормальный человек в сменщиках здесь не выживет.

Да и чужая грамота на стене здесь и минуты не продержалась бы.

Очень удобно искать черную кошку в светлой комнате, когда ты точно знаешь, что она там есть. У классика несколько по-другому было сказано, но в данной ситуации и так сойдет.

Ни секунды не сомневаюсь, что наша мадам промышляет перевозкой контрабанды и прочих нужных и дефицитных товаров в оптовых количествах. Конечно, речь не идет непосредственно о перевозке через границу, поезд идет только до Астары, но скупает иранский товар на нашей стороне – к бабке не ходи. К сожалению, удача с контрабандой мне пока не светит – ценный груз будет только на обратном пути.

Но кто же будет ехать порожняком в погранзону, куда пускают только по пропускам. Кордон он не только с той стороны мешает вывозить, но и туда не всякий товар нормально привезти можно. В результате в приграничных районах случается дефицит самых неожиданных вещей.

В советских пассажирских вагонах есть встроенные емкости для перевозки багажа, о которых редко кто знает. Например, большой ящик в полу, прямо под ногами в проходе. Надо лишь убрать декоративный коврик и открыть люк. Днем это сделать незаметно никак не получится, коврик, а точнее, ковровая дорожка длиной метров десять, тянется на весь ва-

гон и крепится с двух сторон.

Среди ночи это сделать намного проще. Что я и проделываю.

Внутри ящика обнаруживаю две серые картонные коробки.

Тьфу. Сливочное масло. Каждый короб по двадцать килограммов. И это все?

Разочарованию моему нет предела.

Хотя нечто подобное и следовало ожидать. Масло, кстати, саратовское, судя по маркировке. Система отлажена просто идеально. Закупают где-нибудь в Волгограде по три пятьдесят, в Баку оно уже рублей по восемь, в Астаре оптом по пятнадцать-двадцать. А ведь кто-то на полном серьезе, мне помнится, доказывал, что в СССР цены всюду одинаковые, государственные.

Хм. Тут сливочного масла почти на восемьсот рублей получается? При госцене в 150 рубликов? Ничего себе наварчик. Колумбийские бароны от зависти нервно жуют листья кок... кокос, наверное.

Сумма серьезная только в глазах голодного призывника, для местных воротил это сущие копейки. Взять на понт за такое нечего и думать, отбредется легко. Типа, что родственникам на свадьбу везет. И в глазах окружающих это даже не проступок – это нормальный побочный доход проводника. Не на зарплату же ему жить? Здесь по-другому и не бывает. Не удивлюсь, что зарплату наша многоуважаемая ханума

вообще не получает, только расписывается, в том самом кабинете, где почетную грамоту выдали.

Не сказать, что социализм в южных братских республиках полностью отсутствует, вовсе нет! Все государственные институты исправно функционируют. Есть бесплатное образование, есть бесплатная медицина, правда, в селах она ограничивается услугами фельдшера, но то уже другой вопрос. Пенсии и социальное обслуживание тоже в полном объеме выдаются. Дома культуры, кинотеатры, детсады, стадионы, дома детского юного творчества растут как грибы после дождя. И так далее и тому подобное.

Но как только вопрос касается товарно-денежных отношений – туши свет. Чистый натуральный капитализм, отягощенный феодальными отношениями.

Лирическое отступление на этом закончим, время быстро утекает. Очевидно, что две коробки с маслом при таких раскладах не могут являться серьезным компроматом.

Поэтому требуется «отягощение», довесок, который переводит находку в другую правовую плоскость.

Отрываю от коробки кусок картона и при помощи обычной авторучки за несколько секунд создаю убойный артефакт.

Не сказать, что я бегло говорю на фарси, скорее – вообще не говорю, лишь приблизительно понимаю устную речь, с грехом пополам читать могу или перевести несложный текст с пятого на десятое. Тем более что три десятка лет прошло

после дембеля, забылось многое без практики.

Удивительно, но азербайджанским языком владею намного хуже, хотя, казалось бы, должно было быть наоборот. Но объяснение простое: по долгу службы фарси хочешь не хочешь, но выучишь, а с местными и на русском можно поговорить, аборигены на нем все без исключения шпрехают только так. Лишь в глухих горных аулах старики не понимают по-русски, но с ними общаться мне не приходилось, да и язык у них свой – талышский, который не похож ни на азербайджанский, ни на персидский.

Фантазия моя отчего-то перестала работать, наверное, ночью она хуже функционирует, поэтому ничего креативного придумать не смог.

Написал слово «пляж» и рядом штук двадцать арабских цифр. Они с иранскими практически идентичные, лишь четверка и шестерка по-разному пишутся. Главное не перепутать, в каком направлении писать.

В результате появилось «шифрованное послание», правда уровень исполнения подкачал. Да и содержание с оформлением тоже на уровне кружка «Очумелые ручки». Но мне в разведотдел ее не нести, мне всего лишь на одно гражданское лицо произвести впечатление надо.

В два часа ночи разбудил Зайцева, сообщил, что никаких происшествий не случилось, товарищ лейтенант на горизонте не появлялся. Будь Кролик нормальным человеком, обязательно сказал бы спасибо, и можно было бы рассчитывать

на доброе отношение в будущем. Но судя по невыспавшейся надменной и недовольной физиономии, надежды эти напрасны. Наверняка воспринял это как попытку подмазаться к начальству. Он бы именно так и вел бы себя.

Завел наручную «Электронику» на шесть утра и мгновенно провалился в сон.

* * *

– Гражданка Тагиева? – В такой ситуации «здрасьте» неуместно и мешает созданию нужной атмосферы.

– Э... а... Кого? Зачем? – от неожиданности мадам попятилась и плюхнулась пятой точкой на застеленную кровать, произведя небольшое локальное вагонотрясение.

Интересно, как она на такой узкой полке помещается? Она же ее в два раза шире будет! – пришла в голову совершенно не к месту мысль о неевклидовой геометрии на советских железных дорогах.

– Наргиз Гамбаровна, как вы объясните вот это?

Демонстрирую скрижаль с арабскими буквами и цифрами, собственноручно изготовленную из куска картона несколько часов назад. В руки не даю, только глядеть можно. Так создается напряжение, и клиент изначально ставится в зависимое положение.

Чтобы понять человека, которому продаешь пылесос за сто тысяч, надо встать на его место и представить, что он ду-

мает. То же самое следует делать, когда вербуешь или шантажируешь секретного агента. Разница не принципиальная, как между торговой рекламой и выборами.

Что сейчас думают эти честнейшие сто двадцать килограммов, облаченные в железнодорожную форму?

Прежде всего, клиент ровным счетом ни хрена ничего не понимает. Я бы сам обалдел, если меня в шесть утра разбудили и сунули в нос шифровку, выгравированную на коробке из-под саратовского масла.

Опознать картонку по масляному пятну она уже успела и прекрасно поняла, откуда она взялась.

Если она не дура, то быстро сообразит, что это подстава. А мадам точно не дурная – молчит, не орет, не зовёт на помощь, лишь злобно зыркает мелкими черными глазенками на меня, как на врага народа.

И правильно делает, что не орет. Я ведь мог лейтенанту отдать находку, и тогда проблемы ей были бы обеспечены. Поезд, может, и не тормознут, но вагон наверняка перетряхнут вверх дном, а двумя коробками масла явно дело не ограничится. Я навскидку десяток таких укромных мест в вагоне назову. И могу поспорить, что все они под завязку забиты дефицитными продуктами и вещами.

– Моя – человек маленький, женщин бедная. Русский плохо понимать. Дарагой джан, ты сразу скажи, что делать надо?

Приятно иметь дело с умным человеком, который быстро

соображает и чувствует свою выгоду на уровне интуиции.

Договорились любовно. Бумажка остается мне на память, впрочем, после моего выхода из вагона ее ценность практически сразу становится нулевой, а мадам с радостью соглашается помочь компетентным органам в ближайшем будущем.

Возможно даже с искренней радостью. Я щедро пообещал ей почетную грамоту от Лениноранского погранотряда взамен нынешней. А что? Мне не жалко, а в будущем я сам лично подобную фигню видел. Что мешает первому создать такую традицию. Остается открытым вопрос, где взять хоть сколько-нибудь настоящего шпиона для поимки. Но это дело техники. В конце концов, виртуальный шпион ничем не хуже настоящего и даже намного безопаснее и удобнее в поимке.

В качестве бонуса подобревшая мадам выставила поднос с шестью стаканами чая на одно наше купе и вазочку с инжировым вареньем. Леха выпал в осадок, когда попробовал угощение.

– Ну ты, блин, даешь! – процитировал он классика из будущего почти дословно.

– Дело-то житейское. Сказал, что в Ленинградском железнодорожном институте учусь. Коллега получается. Смотри, не спали меня.

Глава 4

Наконец за вагонными окнами появились знакомые места.

Народ, чувствуя окончание путешествия, жадно прильнул к стеклам, присматриваясь к окрестностям.

Пейзаж за окнами и вправду любопытный, особенно для призывников, прибывших с условного «севера». Хотя Нижняя Волга и считается южным регионом, но у нас сейчас уже морозец, снег в этом году успел выпасть, а здесь пальмы зеленые стоят! Холмы яркого изумрудного цвета – если не ошибаюсь, чайные плантации. И люди в рубашках ходят! Меня это мало удивляет, а новобранцы в шоке, они и не подозревали о существовании такого климатического чуда.

Неожиданно пейзаж меняется, и в поле зрения появляется огороженное колючкой огромное бескрайнее поле, заставленное бесконечными рядами танков и бронетехники.

Леха рядом восхищенно матерится, наш татарин добавляет пару фраз на своем родном, и это явно не теорема косинусов на тюркском.

– Головой подумай! Откуда у пограничников танки? Нафиг они нам сдались?

Это всего лишь танковая дивизия.

– Да? Все равно мощ-щ-а!

На неискушенный гражданский взгляд оно и вправду смотрится внушительно. Но если присмотреться, то видно,

что это старые, можно сказать, древние БМП-1 и Т-55, даже без буквы М, то есть не модернизированные ни разу. Ровесники дедушки Хрущева.

Впрочем, в самой России ситуация с современными танками сейчас тоже неважная. Вот такой парадокс образовался. На момент распада почти все новые и самые современные боевые колесницы оказались в Белорусском, Украинском и Прибалтийских военных округах. Как не трудно догадаться, все это после распада оказалось территорией чужих государств.

Украина и Беларусь потом четверть века этими вооружениями торговали, а Лукашенко даже в десятку крупнейших мировых экспортеров оружия умудрился попасть, не имея ни одного танкового завода.

Конечно, общее число танков все равно огромное, только на хранении их более десяти тысяч, но понятно, что в основном это устаревшая техника.

Если бы не кошмарный и безумно организованный вывод войск из Германии, когда войска выводили в «чисто поле» и офицеры годами потом жили в палатках, если бы не танки и бронетехника из ГСВГ, то Россия в 1991 году оказалась бы практически без новых танков и БМП.

Впрочем, это к делу не относится, лишь воспоминания из будущего, которого, надеюсь, не будет.

– Леха, открою тебе страшную тайну, которую тебе все равно поведают на политинформации. Пограничная застава

против нормальной армии не продержится и пары часов. Наша задача продержаться хоть немного, пока не развернется вот эта армада. Теперь ты понимаешь, почему тебя заранее называют Герой Границы.

– Умеешь ты испортить настроение. Я уже настроился на танке покататься.

Сгрузившись с поезда и кое-как выстроившись в подобие строя, выдвинулись в сторону части. Идти менее километра, но мы умудрились исполнить шедевр от Агутина аж три раза. Как ни странно, получилось неплохо, местные жители-аборигены даже остановились, чтобы послушать проходящую мимо колонну.

На входе в ворота части ситуация повторилась, штабные повылезали, заинтересовались, кто это горло дерет так вдохновенно.

В общем, прибыли!

Дальше пошла рутина. Стрижка, мойка в бане, получение формы, инструктаж, лекция и первая кормежка в столовой.

Нынешний призыв впервые обрядили в камуфляж, хотя на заставах еще с прошлого года поменяли старые гимнастерки на современную «флору». Качество новой формы не в пример хуже, изнашивается намного быстрее.

От вида кирзовых сапог я чуть не прослезился. Сколько я их истоптал в прошлой жизни, что и не подсчитать сразу. Не меньше шести пар, почему-то не выхаживали они у меня и половины положенного срока.

Дал мастер-класс товарищам по наматыванию портянок, показал, как правильно подшиваться, чистить бляху при помощи пасты «Гойя». Оказывается, помнят руки, что, несомненно, радует.

Зачислили на довольствие и сразу выдали на руки восемь рублей. Негусто, но на самое необходимое должно хватать.

Пока расхождений с прошлой реальностью не наблюдается. И даже разместили нас там же: в старой казарме автороты. Только в этот раз кровать я выбрал в другом месте, в дальнем углу. С поста дневального этот закуток не просматривается, зато окно имеет «дембельский зазор». Эта кодовая фраза означает, что шпингалет здесь выполняет лишь декоративную функцию, и если вынуть пару шурупов, покрашенных для конспирации сверху зубной пастой, то окно можно открыть. Здание одноэтажное, поэтому обратный путь труда не представляет.

Уверен, что особист об этой лазейке знает давным-давно, но закрывает глаза по каким-то своим «особым» соображениям. Не все так однозначно с дедовщиной в армии, начальство считает, что она даже полезна, поддерживает порядок и дисциплину, помогает в обучении и прочий бред. Доля истины в этом есть, но она настолько мала и дается такой поганой ценой, калеча мировоззрение миллионов пацанов, что такие рассуждения я органически не перевариваю.

Паста имени Гойи изобретена одноименным фламандским живописцем в семнадцатом веке. Применялась для по-

лировки знаменитых яиц Фаберже. Небольшое количество пасты наносим на шерстянку и усиленно полируем, чтобы товарищ прапорщик с утра нас самих не отполировал.

Личным примером показываю, как надо правильно доводить бляху до сверкающего блеска. Занятие это философски-умиротворяющее, позволяет постигать глубины дзен-философии и размышлять о близком ужине одновременно. Если бы еще не отвлекали – вообще замечательно было бы.

Случайно так образовалось, что я оказался в роли курицы-наседки, воспитывающей кучу желторотых птенцов. Не стоит дословно передавать мои слова подопечным, но по сути именно так и вышло. Кто еще кроме меня научит их умразуму и премудростям армейской жизни. Помню, как сам все шишки и грабли собрал, какие только можно и нельзя, пока постиг сакральный смысл воинской службы.

Само по себе у нас образовалось небольшое землячество, только не национальное, а волжско-татарское. Исчез собачник со своей псиной, зато вместо него в наш коллектив влился Володя Саликов. По моей рекомендации, понятное дело. Он единственный, кто призвался из Баку, но чисто случайно русский по национальности. Папаша у него полковник, где-то в штабе в столице сидит. Столице Азербайджана, а не СССР, понятное дело.

По гениальной родительской задумке, он отсюда прямым в Москву по армейской квоте должен поехать следующим летом, причем не в какое-то там Голицынское погра-

ничное, а сразу в Высшую Краснознаменную, на факультет контразведки.

Ага, поедет он, как же. Летом девяностого! Из Ленинорана?! В это время папаша уже секретные документы в Баку жечь будет и место на пароходе бронировать, для последующей эвакуации в Махачкалу или Астрахань.

Несмотря на «элитное» происхождение, Вовчик – парень замечательный, честный и надежный. Не без идеологических тараканов в голове, но вменяемый. Просто жизни толком еще не пробовал, и голова забита розовыми комсомольскими мрями. Наверное, я сам был похож на него в далеком 1988 году, но явно это не про меня нынешнего, реинкарнированного.

– Какой умный был фламандский живописец, такой нужной вещь придумал. Жил бы наше время, институт обязательно попал. Государственный оптический, – хитро ухмыляясь, потроллила меня одна наглая татарская морда. Камиль с военного городка, мы и до армии пересекались, и после дембеля долго дружили, пока меня не понесло по просторам страны и мира на заработки.

Впрочем, Камиль изобличать меня не стал, лишь заговорщически подмигнул и продолжил драить бляху.

– Сапоги до блеска щеткой не доводим, это долго и утомительно, – продолжил я выдавать лайфхаки, хотя и слова здесь такого не знают. – Полируем куском подшивы, точно

такими же движениями, как трем спину мочалкой в бане.

Может, мне в педагоги податься после службы? Такой талант пропадает! Между прочим, в педагогическом сейчас всего три парня на курсе из расчета на семьдесят девок, у меня там одноклассник среди прекрасных гурий в раю обитает.

– Пока не забыл. За сорок пять секунд одеться при подъеме или по тревоге сразу ни у кого не получится. И тем более успеть намотать портянки. Поэтому просто набрасываем портянку на голенище и просовываем ногу внутрь сапога. В таком виде даже бегать можно, но не рекомендуется. Позже перемотаете как надо.

Но меня самого больше всего волнует вопрос с гражданской одеждой и обувью. В повседневной форме по ночам много не набегает. Кусты, заборы, а возможно, и по-пластунски ползать придется. Я же как свинья буду утром. Да и вообще светиться в городе в камуфляже – не самая лучшая идея.

К сожалению, когда получали форму, припрятать свои вещи не было никакой возможности. Либо на свалку сразу, либо на почту, и ни одного мгновения без присутствия посторонних. Рядом постоянно толпа народа и куча сержантов. Не то что тайник соорудить и спрятать, на пару метров в сторону отойти невозможно.

Ситуация сложилась бесперспективная, но весьма кстати вспомнилась история, описанная в одной интересной книге, ни названия, ни автора которой не запомнил. Один катала

поспорил с начальником тюрьмы, что у него карты никто не отберет. И действительно, смотрят в глазок: сидят двое зеков играют в карты. Заходят, устраивают шмон, переворачивают все сверху донизу, даже раздеться догола заставили и одежду отобрали и другую выдали. Но стоило выйти из камеры, смотрят в глазок, а он снова с соседом в карты режется!

Отгадка оказалась простой: колоду карт заключенный прятал в кармане охранника, который его обыскивал. После завершения обыска катала незаметно возвращал ее себе обратно.

Так же поступил и я. Подошел к младшему сержанту Зайцеву и предложил забрать мои шмотки в автопарк. Для «подменки» – работа водителя и механика по умолчанию очень грязная, постоянно в мазуте и в масле, подобная вещь остро необходима.

Но при этом случайно оговорился, что в такой одежде и в город можно выйти. У нашего Зайца сейчас сложный переходный период, он сейчас впервые себя стариком почувствовал, срочно требуется компенсировать все тяготы и унижения первого года службы, полученные от дедов. Наконец-то сможет пожарить картошки для себя лично в парке ночью, сходить в первый «самоход». И мой подарок ему весьма кстати, могу поспорить, сегодня вечером будет годкам своим лапшу вешать, что сам предусмотрительный такой, взял и отжал у молодого.

Теперь мне срочно надо вернуть свои вещи, пока их не

приходили по назначению. Значит, придется делать ночную вылазку.

Накрылся сегодняшней сон пилоткой медной, солдатской. Между прочим, усталость имеет свойство накапливаться, распорядок дня такой, что и без ночных гуляний устаешь как собака пограничная. Хотя вру, овчарок здесь любят, холят и лелеют.

Заяц, кстати, не дурак вовсе, двумя лычками на первом году службы не всякий может похвастать. Да и место хлебное занимает. Понятно, что требования специфические, все же хищение социалистической собственности в особо крупных размерах не всякому доверят, но и дурака на такую должность тоже не возьмут.

И с моими вещами он быстро разобрался. За несколько секунд сообразил. Забросил сумку с барахлом в кузов грузовика, стоящего неподалеку. Водила одного призыва с ним, тоже ноябрьский. Даже имя вспомнил, точнее кликуху – Пассажир. Поэтому операция «шмот на халяву» прокатила без возражений от владельца самодвижущейся повозки. Вечером Заяц спокойно заберет баул уже в автопарке. И все будут счастливые, за исключением меня.

Странное погоняло Пассажир заработал за то, что упустил свой ЗИЛ-130 в пропасть. На подъеме в гору машина встала, ручник не сработал, и грузовик начал скатываться назад. Водила и сопровождавший его прапорщик успели выпрыгнуть, «зилек» же нырнул с обрыва. Дело привычное, вообще-то, в

наших краях, никого не посадили даже.

Откуда тогда прозвище взялось? Дык, чудесно спасшиися не придумали ничего лучше, как добраться до воинской части на пассажирском рейсовом автобусе, да еще и попросили высадить их прямо у КПП.

– Ерш твою мать! – единственный Зил-130 бело-голубой «гражданской» расцветки я видел сегодня утром, маршируя в столовую. Получается, Пассажир еще не отправил его в пропасть? Точно! Это только весной случится.

Холодок пробежал по спине. Вроде бы пустяк, а ведь он реально чудом успел выпрыгнуть, на пару секунд опоздал бы и поминай, как звали. Мое появление уже начало менять этот мир, и очень вероятно, что этой лишней спасительной секунды уже не будет.

Пришлось напрячь память, чтобы вспомнить подробности. Было там одно курьезное обстоятельство, которое трудно не запомнить. Ладно ручник не сработал, это хоть и распи...ство, но такое сплошь и рядом встречается.

Армия и бардак – это слова-синонимы. И если водителей дрессируют в учебке три месяца, прежде чем доверить баранку, то механиков днем с огнем не сыщешь. В ДОСААФе их вроде готовят, но вживую их никто не видел большими партиями. Поэтому и ремонтируют свои колесницы солдаты-срочники обычно сами, как умеют.

Не удивительно, что у Пассажира не только ручник оказался сломан, но и воздух из тормозной системы стравлива-

ло.

Когда «зиллок» заглох на подъеме, то прапор выскочил и подложил под колесо камень. Проявил армейскую смекалку, так сказать. Самое ржачное, что он лопухнулся и вместо булыжника подложил кусок кизяка – сушеного коровьего навоза. Возможно, это был старший прапорщик, и это многое объясняет.

Такое состояние техники никого не удивляет. Некоторые водители сразу за двумя автомобилями числятся, у того же Пассажира их тоже две штуки. Поэтому ни одного автомобиля в нормальном состоянии не бывает. Один синий, второй Зил-131-й, темно-зеленый, для хозяйственных нужд, в него и забросили мою сумку с вещами.

Неожиданно мне подфартило. Вместо просмотра программы «Время» в Ленинской комнате нас ошастливили показом кинофильма в клубе. Сразу после ужина.

Даже не знаю, что я делал бы без такой удачи.

Давали фильм «Не бойся, я с тобой» от режиссера, бесменного судьи из КВН на протяжении четверти века, поэтому я, без малейшего сожаления, продрых весь киносеанс. Леха пытался пристыдить, но мне – как с гуся вода.

Отбоярился, что три раза его уже видел. Впрочем, по нынешним временам это слабая отговорка. Некоторые мои знакомые «Танцора диско» по восемь-десять раз смотрели. Особенно этим грешили дети гор с Кавказа и Средней Азии.

Судьба, словно насмехаясь, разводит нас с горцами, оття-

живая встречу. Даже в бараках мы по разные стороны от поста дневального. Они в правом крыле, мы в левом. Впрочем, это временная отсрочка – разбираться все равно придется, это неизбежно, как смена времен года.

Но об этом я не переживаю, если в той реальности с этой проблемой справились, то сейчас и подавно. После учебки их раскидают по заставам, снизят, так сказать, критическую массу цепной реакции, и вопрос рассосется сам собой. Поодиночке они чудесные и замечательные люди, верные друзья и товарищи. Но как только собрались в кучу – происходит превращение в нечто угрюмое и неадекватное.

Парадокс, но по отдельности со многими потом сложились нормальные отношения. Но это будет много позже.

Следующий весенний призыв в подавляющем большинстве будет славянского происхождения, острота вопроса снимется, а дальше и вовсе туман неопределенности наступает. Мое присутствие уже меняет будущее.

За судьбу части волноваться определенно не стоит, а вот в самом отряде группа из сорока абреков – это очень весело.

В армии по сути две главные беды: это неуставняк и национальные землячества. Если хоть одна из них присутствует, служба сразу превращается в каторгу разной степени тяжести.

Проблему удалось частично решить лишь во втором десятилетии двадцать первого века. Дедовщина практически полностью исчезла после сокращения срока службы до од-

ного года. Оно и понятно, при отсутствии разницы в сроке и отношения сразу поменялись.

С землячествами вопрос решили точно так же, кардинально и без промежуточных стадий и полумер. Призыв с республик Северного Кавказа практически полностью прекратили в 2010 году. Через три года призывать стали снова, но в микроскопических количествах, раз в двадцать меньше, чем раньше. Да и то в основном во внутренние войска.

Глава 5

– Шурик, оно тебе надо? – попытался в последний раз отговорить меня от ночной вылазки законопослушный друг Леха.

– Не сцы, герой границы! Пока присягу не принял, никто мне ни хрена ничего не сделает. Такой шанс упускать нельзя. Я по-быстрому, гляну одним глазом, оценю обстановку, проверю слухи кое-какие. Заодно жратвы раздобуду.

– Жрать хочется, – согласился мой голодный друг. Я и сам уже чувствую, что желудок себя потихоньку переваривать начинает. Солдатская пайка лишь теоретически покрывает все мои энергетические потребности, в реальности помню, жрать хотелось весь первый год, и камуфляж через месяц станет просторнее на два размера.

Выяснилось, кстати, что это не «флора», как я думал. Это камуфляж «бутан-березка». Вот так и прокалываются попандцы, о таком названии никто даже не слышал.

Окно открылось даже не скрипнув, видимо пользовались до самого последнего времени, заботливо смазывая петли моторным маслом. В таких делах мелочей не бывает, все серьезно.

Спрыгнул на утрамбованную землю (специально старались, утаптывали, чтобы следов не оставалось) и короткими перебежками отправился к автопарку. Опасность подстере-

гает лишь в одном месте. Надо проскочить через освещенный участок, который просматривается караулом у складов. Но угроза мнимая, поскольку деда своих не сдают, а представить, что это молодняк, только что призывавшийся, по ночам скачет, в такое поверить просто невозможно.

Как и ожидал, караульный никак не отреагировал. Может, не заметил, может, сделал вид, что это не его дело. Тут до меня целая куча полуночников продефилировала, не особо скрываясь. Майские отдельно, ноябрьские отдельно. Тут даже дедовщина по сезонам разделена. Осенние гнобят осенних, а весенним по остаточному принципу прилетает. И наоборот.

Мой путь лежит в парк автомобильной техники. На улице свежо, и скорее всего, дембели нынешние и будущие в боксе сидят, греются, в тепле и сытости, картофан жареный наворачивают на шкварках. Свинарник рядом, а там кореш свой ноябрьский – всегда подгонит сала или смальца, местным его не продашь, поэтому и солдату что-то перепадает.

Номер автомобиля я запомнил и нашел быстро, но в кузове ничего не оказалось. Гад, этот Заяц, не утерпел, быстрее хвастаться потащил.

На шухере никого не оказалось, что вообще-то удивительно. Есть у нас офицеры, любители ночных облав. Такая безалаберность дорого обходится. Скорее всего, сторожа позвали к столу, и скоро он вернется. И тогда мне придется валить отсюда несолоно хлебавши.

Чертыхаясь и матюкаясь, пробираюсь через ремзону поближе к боксу. Судя по аппетитному запаху, ночной гужбан самом разгаре.

В этот момент чуть не навернулся – какой-то нехороший человек поставил канистру прямо на проходе. Вот об нее я и споткнулся в темноте.

Первая мысль – специально поставили, чтобы незванный гость, если наткнется, шум произвел, но емкость даже не упала и оказалась заполнена под горловину. Бензином – если обоняние меня не подводит. Довольно глупо так разбрасываться ценным имуществом – к нему ноги приделают мгновенно и уведут, потом не отыщешь.

Воровство в армии – это третья главная проблема. Оставишь хоть что-нибудь ценное без присмотра – тут же упрут. Это, кстати, одна из причин, почему техника часто в таком ужасном состоянии. Ремонтировать физически нечем – не успел отвернуться, а инструмент уже сперли, и выпросить у дедов бесплатно можно не пытаться.

Естественно, крадут они же – ночью автопарк в их полном распоряжении. Поэтому молодняк прячет гаечные ключи и материалы, где только может. На крыше, в кустах, привязывают к кузову снизу и так далее и тому подобное. Но это мало помогает – выследят и обнесут, если не сразу, то через месяц точно.

Инструмент – это реально больная тема. Особенно если в контрактах с дедами. Даже на бартер хрен выменяешь. Надежно

спрятать, когда за тобой следят два десятка вражеских глаз, невозможно. Набор гаечных ключей в аренду на сутки стоит два лаваша или банку мацони. Это не только минус рубль, но еще и риск залета, поскольку купить контрафактный продукт можно только на стадионе, куда попасть днем реально сложно. Да и откуда деньги у несчастного духа?

М-да. Бесхозная канистра с бензином? Это я реально торможу. Скорее всего, это бартер, приготовленный к обмену на продукты!

Наша воинская часть расположена в черте города, и поэтому застройка идет вплотную к забору. В некоторых местах и забора, по сути, нет. Например, стадион с одной стороны подпирают хибары местных жителей. Наиболее предприимчивые и сообразительные аборигены проделали отверстия в заборах, похожие на окна выдачи в советских столовых, и через них торгуют лепешками и кефиром в банках. Цена стандартная – 50 копеек за лаваш и рубль за литровую банку кефира. И то и другое – божественно вкусное. И то и другое ненавидишь больше всего на свете, когда бежишь утром по стадиону. Запах горячего свежего хлеба сводит с ума, а денег купить нет.

Но судя по тому, что каждое утро в «окнах выдачи» свежая выпечка, реклама не бессмысленная – кто-то покупает. Понятно кто.

Между тем обстановка не располагает к долгим размышлениям. Нестерпимо аппетитные запахи мучают мою голод-

ную душу, мешают сосредоточиться.

Мне до участия в таких застольях еще целый год на жесточайшей диете сидеть.

Если бы не мрачная злая зависть к ночным пожирателям вкусностей, наверное, я бы не решился на авантюру, которая последовала за этим. Как известно, погоня за двумя-тремя зайцами одновременно дает теоретический шанс утроить конечный результат.

В переводе на общероссийский язык это означает, что тактика, которая дает несколько выгодных последствий, лучше обычной.

В данный момент времени у меня несколько локальных задач. Первое: вернуть свои шмотки, желательно незаметно. Второе: добыть жратвы для себя и товарищей, которые прикрывают меня и очень надеются на мои интеллектуальные способности в деле добычи съестного.

По идее, можно обратиться к сержанту Сидоренко и, если он разрешит, смотаться в чипок, закупиться пряниками до отвала, отсыпав долю малую начальнику. Это единственный бюджетный вариант, но только на самый крайний случай. Деньги имеют свойство очень быстро заканчиваться, а питаться местными дрянными пряниками или серым сыпучим печеньем – верный путь к гастриту. Нас же двадцать человек, и у подавляющего большинства с деньгами негусто.

По первому пункту вышел облом, вещей в кузове не оказалось, Заяц успел их забрать. Если их не изъять сегодня, то

он припрячет так, что потом никто не найдет, даже при свете дня. Шмон в автопарке – дело обычное, поэтому нычки у каждого свои, надежные и тщательно скрываемые от всех.

Еще одно обстоятельство, подтолкнувшее меня к решительным действиям именно сегодня, – найденная канистра с бензином. Очень она мне приглянулась своим содержимым, так что упустить шанс приватизировать ее никак не мог. Однако такая пропажа быстро обнаружится и заставит дедов насторожиться. Полтора-два года в условиях конспирации и ночных облав приучили старичков к осторожности и повышенной бдительности.

Исчезнувшая канистра – это повод задуматься, а там и до правильных выводов можно дойти коллективным дедушкиным умом. Конечно, могут сначала подумать на «майских», они сейчас недалече обитают, в ремонтной зоне себе лежбище оборудовали. Но как-то неубедительно выходит, масштаб не тот, да и разберутся быстро, все же вместе служат давно и такие непонятки сразу разруливаются.

Ждать до глубокой ночи, пока деды обожрут и свалят в казарму на боковую, себе дороже. Я завтра как овощ вареный тогда буду, а первые дни службы не то время, когда можно расслабиться. Есть несколько важных, почти судьбоносных моментов, когда мне потребуется предельная ясность ума и концентрация.

Нужно выманить старослужащих из их берлоги, а желательно вообще убрать из парка. Напрашивается идея устро-

ить шухер, напугать их как следует. Лучше всего на эту роль подходит капитан Зубов, он сегодня дежурный по части. Но где его искать посреди ночи и каким образом донести мысль о срочной проверке автопарка?

Стукачей никто не любит и не уважает, опускаться до такого противно, да и небезопасно. Темную устроят – как пить дать. Причем капитан сам же и сдаст дятла дедам, чисто из природной вредности и своеобразного понимания процесса воспитания в коллективе.

Поэтому придется делать все своими руками. Опять помогло послезнание. Через несколько месяцев удивительно везучий товарищ Зайцев совершит мелкую глупость, которая чуть не приведет к пожару в автопарке. Он швырнул или окурок, или горящую спичку в старую пустую бочку, стоящую под навесом. Он и сам потом вспомнить не мог, что именно бросил. Не учел Заяц одного, что ранее это была емкость с краской, которая хоть и засохла, но горючие свойства при этом не потеряла. Через несколько минут занялось пламя и повалил густой черный дым.

Спохватились вовремя, потушили быстро, хоть и не без матюков: ни один огнетушитель не сработал, пришлось песком засыпать. Честно говоря, бочка стояла в отдалении, и рядом ничего горючего не было, опасности для всего парка не представляла, но дыма было много.

Как говорил кто-то великий, не умножайте сущности без необходимости. Поэтому буду использовать то, что судьба

сама придумала в прошлый раз.

Устроим небольшой, практически безопасный пожар, просто немного раньше запланированного срока.

Канистра мне досталась в виде трофея, о ней просто никто не вспомнил во время локального апокалипсиса.

План сработал, как и задумывалось. Плеснул трофейного бензинчику, запалил бочку, набросал окурков вокруг для убедительности – прости, Заяц, только с фильтром нашлись, как у тебя. Впрочем, нельзя сказать, что незаслуженно тебе шею намылили, ты бы все равно эту бочку сжег чуть позже.

Не дожидаясь, пока запах гари дойдет до ужинающих дембелей, я перестраховался и сообщил им о проблеме при помощи кирпича, брошенного на крышу бокса. Переборщил даже, от грохота выскочили сразу все, причем, им сразу стало не до меня, пламя в бочке к тому моменту бушевало в лучших традициях провинциального Голливуда.

Я же забрался в кузов грузовика и, прикрывшись брезентом, решил прикорнуть немного. Будильник поставил на полчаса.

Рассчитал все правильно. Пока кемарил, пожар потушили, но настроение продолжать банкет пропало у всех. На запах гари мог заявиться кто угодно, поэтому парк быстро опустел.

Канистру я припрятал раньше, поэтому она досталась мне в качестве настоящего боевого трофея.

Свою сумку с вещами нашел в кают-компании, то есть в

боксе, она небрежно валялась в углу, словно не из-за нее произошло столько эпичных событий сразу.

Кроме того, мне досталось четыре банки с тушенкой и килограмм «универсальных» пряников, тех, которыми можно в хоккее играть и гвозди забивать. Употреблять их можно только размочив в горячем чае, что и делали дедушки до моего появления, но с голодухи, как сухари, грызть можно.

Теперь встал вопрос, куда припрятать сумку с одеждой, чтобы не нашли её деда позорные, обладающие сверхъестественным нюхом на все нычки и захоронки.

Такое место у меня было в прошлой серии этого же сериала. В гараже, под крышей, на стропилах. На высоте более четырех метров. Забраться туда непросто, надо использовать старый кардан, валяющийся в углу с незапамятных времен. Только опираясь на него можно дотянуться до трубы и уже по ней забраться наверх. Вместе с вещами оставил и тушняк, опасно светить таким хабаром. Пусть полежит до лучших времен.

Канистру прятать не стал, решил избавиться от нее более выгодным способом. Я отправился на стадион!

Если товар готов к отправке, то очевидно, что покупатель с нетерпением ждет его. Зачем же обманывать его ожидания.

Обычно ночью торговые терминалы, они же – «окна выдач», закрыты наглухо. Лишь утром, вместе с подъемом, в них выставляются румяные, дышащие жаром, пахнущие углями и сдобой, кургузые лепешки. Прямиком из тандыра.

Но если знаешь условный сигнал, похожий на спартаковский марш в исполнении одноногого чечеточника, то заветное окно откроется даже среди ночи. Интуиция меня не подвела. Бензин предназначался Сахибу, он и в той жизни этим же промышлял. На стук ответил не он, а его скво, неопределенного возраста – от двадцати до семидесяти лет включительно. Непонятно даже, жена это, дочь или бабушка его?

– Заяс, ты?

Я чуть от смеха не лопнул, так забавно похоже на фразу из мультфильма прозвучал вопрос.

Так и потянуло ляпнуть в ответ что-нибудь из репертуара волка голосом Папанова. Но задушив рвущиеся наружу рыдания, решил не искушать судьбу. Зайцев на голову ниже меня, даже в темноте это заметно. К тому же он здесь постоянный клиент, и его голос ханума наверняка хорошо знает.

– Нет, это я, Пассажир. Заяц в наряде. Давай быстрее, капитан сегодня дежурит.

Доводы показались резонными, прекратив разговоры, хозяйка ловко втянула канистру, взамен выставила литровую банку кефира и четыре лаваша. Здесь их называют тандырами, в честь одноименной печки, где их изготавливают.

– Кушай на здоровый! – пожелала добрая самаритянка приятного аппетита.

Поразмыслив, решил не тащить банку в роту – потом от нее избавиться целая проблема. К тому же бесследно исчезнувшую емкость хозяйка обязательно будет искать, расспра-

шивать дедушек. Оно мне надо? Да и вообще, негласное торговое соглашение подразумевает возврат тары, иначе в следующий раз залог потребуют. Нам еще здесь долго столоваться, поэтому надо соблюдать здешние правила.

В банке оказалась вкуснейшая простокваша, поэтому литр мацони исчез во мне без следа и последствий. Если не считать чувства глубокого насыщения, впервые за последние несколько суток. Туда уже ушел горячий, пахнувший углями лаваш-тандыр. Я бы и парочку сожрал бы, но лимит исчерпан – братва голодная не спит, ждет небось.

Глава 6

Сижу, никого не трогаю, дышу свежим, экологически чистым тропическим воздухом. Тепло, градусов пятнадцать, что для середины октября просто шикарно. Лепота, да и только. Минут пятнадцать свободного времени у меня есть, а по нынешним временам это целая бездна времени. Можно просто посидеть, ничего не делая и ни о чем не думая. Немного портит ощущение счастья пустота в желудке, но скоро построение на обед, и на некоторое время это вредное прилипчивое чувство исчезнет.

Два дня после ночной вылазки пролетели, как одно мгновение. Дни становятся похожи один на другой, потихоньку сливаясь в непрерывную череду солдатских будней. Учебка – и этим все сказано. Три месяца непрерывной, изматывающей муштры, строгой диеты, интеллектуальной зубрежки уставов, и все это для того, чтобы из гражданского шланга сделать хотя бы некоторое подобие настоящего воина.

Вкратце опишу, как проходит день, чтобы понятно было, чем я обычно занимаюсь. Ранний подъем, еще в темноте. Легкая пробежка по берегу моря – звучит, как сказка, но в реальности не все так радужно. Форма одежды – «голый торс», поэтому бодрость зашкаливает. В отличие от российской армии, где ко второму десятилетию следующего века наконец-то дозрели до выдачи спортивной формы и обуви

солдатам-срочникам, здесь таких излишеств пока не наблюдается. Поэтому бегаем в кирзачах, а это совсем не то же самое, что адидасовские кроссовки. Ноги сбить, если портянка намотана криво, проще простого. Да и весят сапоги килограмма два, наверное.

Стандартная утренняя дистанция – два километра, один туда – один обратно. Чуть позже дорастет до трешки, а потом и вечерняя пробежка станет нормой.

После присяги в качестве приятного бонуса появится автомат на шее – и это будет полный треш. Очень неудобная вещь для любителей приятных пробежек.

Молодняк бурчит и тихонько ноет, так, чтобы сержант не слышал, что по асфальтовой дороге бежать было бы намного легче, благо она идет вдоль всего пляжа. Но я опытный хомячина и понимаю, что сапоги не казенные, а мои личные теперь, и никто мне новые не выдаст, пока положенный срок не выйдет. Если бегать по твердому асфальту, а не по мягкому песочку три кэмэ ежедневно утром и вечером, то к концу учебки кирзачи убьются насмерть. Извините за тавтологию.

Самое сложное в утреннем кроссе не сама дистанция, все же предыдущий владелец моего тела к армии готовился и вообще спорт любил, чем только ни занимался в детстве и юношестве, а тот факт, что бежишь не один, а в коллективе... Чисто по статистике обязательно найдется парочка тюфяков, которые и километр с трудом осияют, тем более в таком темпе.

По армейским традициям, отстающих быть не должно, и в этом есть некий сакральный смысл – спорить не буду. Бросить товарища на войне – это почти предательство, а мы в некотором роде будущие воины.

Вбивается это правило жестко и неумолимо. Здесь вообще принято, что коллектив отвечает за каждого своего члена. И если один отстал от колонны, то виноват весь взвод. Поэтому упитанного сверх нормы рядового Лапшина мы тянем на себе большую часть пути, подхватив под руки с двух сторон. Меняясь поочередно, чтобы самим не сдохнуть раньше времени. На последнем отрезке пути таких тьюфяков мы тянем уже четверых.

Радует, что вес Вовчика Лапшина с каждым днем все меньше, а выносливость, наоборот, – все больше. К концу учебки трешку на время будут пробегать все, так что схема работает безотказно. Особо непонятливые жирдяи рискуют получить темную, поскольку постоянно ловить наряды из-за чужой лени и лишнего аппетита никому не хочется.

После пляжного отдыха зарядка на свежем воздухе. Потом мыльно-рыльные процедуры, подшивка, работа с гуталином и пастой ГОИ. Название пасты на самом деле происходит от Государственного оптического института, а не от имени великого живописца, как нетрудно догадаться. Изначально она была предназначена для шлифовки линз и оптических приборов, отсюда и происхождение. Почему ее упорно называют пастой «гоя» – то мне не ведомо. Наверное, это

исконная русская традиция менять имена, названия и аббревиатуры на более приятные и благозвучные, которые легче произносить. Это как Сергей в жизни всегда будет Серый, Кузьмин – Кузя, Санкт-Петербург все равно окажется Питером, даже если он в данный момент Ленинград.

Жизнь новобранца тяжела по определению, но за давностью лет весь негатив забывается, и воспоминания о службе окрашиваются в сентиментальные и пасторальные тона. Реальность оказалась не такой благостной, как изначально мной предполагалось.

Во-первых, физподготовка моя оказалась далека от идеала. Перед самой армией я окончательно забросил бокс и занялся качем, модным в то время поветрием. Бицепсы, трицепсы, широчайшие мышцы – до настоящего культуриста не дорос, но банки знатные накачал. На пляж летом не стыдно выйти – для того и старался. Теперь же эта мышечная масса тает на глазах, сказывается скудность питания. И возникает проблема, которую я предсказать никак не мог: гражданская одежда, и так не слишком презентабельная, через пару недель станет на два размера больше нужного. Тогда я буду выглядеть как вылитый бомж, а мне с людьми работать, нужное впечатление производить требуется.

Вторая особенность армейской жизни: полное отсутствие свободного времени и постоянное недосыпание. Вместе с резким похудением, на фоне постоянных физических нагрузок, это высасывает последние силы. Для обычного солдата

это нормально, ничего запредельного в этом нет, организм молодой и через месяц адаптируется к этому графику и образу жизни. Но мне-то ночь нужна для активных действий! Отсыпаться просто некогда.

В общем и целом день мой загружен более чем полностью. Если не бегаем и не подтягиваемся на стадионе, то занимаемся шагистикой на плацу – на редкость муторное занятие, хотя меня прапорщик не сильно гоняет, оценив мастерство. Кто бы мог подумать, что это умение можно с собой перенести через время и пространство!

После обеда два часа положены на изучение уставов, но если честно, лучше на стадионе круги наматывать, чем зубрить эти шедевры эпистолярного армейского творчества. Максимум один абзац – и тут же в сон клонит. Замполит же только того и ждет, гад – тут же набрасывается как коршун и выносит мозг в извращенной форме. Хорошо, что наряды не раздаст, но чувствую, скоро исправит это упущение.

В качестве отдыха иногда выступает уборка территории или погрузочно-разгрузочные работы. Почему-то в армии всегда найдется, что перетащить с места на место, причем часто туда и обратно. Если у вас интуиция развита сверх обычного, то иногда можно сфилонить и не выполнить приказ, поскольку он обязательно будет отменен и вам придется тащить все обратно. Но такой дар вырабатывается не сразу, а лишь ко второму году службы, да и то не у всех.

Сижу, значит, пользуюсь последними секундами отдыха,

и вдруг появляются эти двое, и хорошее настроение исчезает напрочь.

Жека и Миша – два молодца, но не одинаковых с лица. Если первый якобы из какой-то там шляхты потомственной, неизвестно какими путями занесенной на Донбасс, высокий, стройный, с утонченными чертами лица – девки от парней таких с ума сходят пачками, то Миша Клишин – вылитый пролетарий от крестьянства, низенький, плотный и крепкий, с простым добродушным выражением на не менее простой физиономии. Он до армии успел на шахте уголек порубить, руки до сих пор с черными мозолями. Как ни странно, интеллигентного вида Жека, он же – Евгений, до службы пахал на автокране, впрочем, для советских времен это не удивительно.

Еще до того, как они успели назваться и ввести в суть вопроса, я уже все вспомнил. Вот они, те самые долгожданные проблемы.

Представители донецкой диаспоры осеннего призыва, если так можно выразиться, явились, чтобы заключить военно-политический союз. Если же по-простому, то на махач зовут. Созрел конфликт с чехами, которых здесь еще никто не успел так назвать.

Силы примерно равны, человек по тридцать с каждой стороны, но с небольшим перевесом у ингушей. Если присоединится наша татаро-славянская группа, то преимущество окажется уже на нашей стороне.

Стрелка назначена сразу после ужина за казармой, в «подшивочное время».

До полноценной драки в прошлой жизни дело так и не дошло, как мне помнится, спалили всех, но с точки зрения стратегии это было поражение по всем статьям. Не помню, по какой причине, но человек десять с нашей стороны мы не досчитались. То ли засс... струхнули, то ли их начальство запрягло именно в этот момент – уже не важно.

Зато чехи проявили недюжинные способности на почве дипломатии и перетянули на свою сторону два десятка дагов. Обычно они не слишком ладят, но здесь соседи по горам впряглись за компанию. Видя почти двукратное превосходство противника и не имея ни одного достойного переговорщика, способного разрулить ситуацию чисто на рамсах, мы так и не смогли ничего предъявить в ответ на наезд. С другой стороны, причина разборок была настолько невнятной и непонятной, что, по сути, и обсуждать было нечего. Кто-то полотенцем чужим вытерся или место за умывальником не уступил.

В любом случае это была демонстрация силы, и отвечать надо было в полную мощь. Ничья в такой ситуации равна поражению, что потом и вылезло, когда чехи дружно забили на несение нарядов, мотивируя это национальными традициями. Мол, негоже мужикам полы намывать. И решить эту маленькую проблему до самого конца учебки так и не смогли, пока не раскидали северокавказскую диаспору по заставам.

По всей видимости, особый отдел ситуацию просек вовремя и принял меры.

В этот раз такой фигни мне не надо. Уловив тенденцию, начальство стало ставить в наряды исключительно нашего брата, в итоге удвоив нагрузку на самых трудолюбивых. Если учесть, что старослужащие тоже флонили, то и тройная норма дежурств по кухне и казарме нам обеспечена. Меня это категорически не устраивает, причем не только из чувства справедливости. Мне нельзя в наряды – у меня бурная ночная жизнь запланирована, ибо днем я почему-то всегда занят.

Получив наше согласие на участие в «мероприятии» польско-донецкий дуэт отбыл восвояси, пребывая в уверенности, что все путем, прекрасно и замечательно. Мне же срочно пришлось решать мелкие неотложные проблемы. Казалось бы, что может быть проще – развести молодых наивных лохов, навешав люлей заодно самым борзым и непонятливым?

Но загвоздка, как всегда, в мелочах. Например, каким способом валить Лечу?

Это имя такое, а не рагу из овощей. Именно он будет моим противником, в прошлый раз чуть шею мне не сломал на удушении, хорошо, что капитан вовремя появился – спасибо стукачам.

Ростом метр девяносто, в плечах косая сажень, как говорится. Ржа как у Валуева, уши поломанные в нескольких местах, длинные руки, такое ощущение, что до коленей до-

стают, из-за того, что он горбится все время по борцовской привычке.

Выглядит Леча как натуральный орангутанг, даже волосяность повышенная, да к тому же имеет разряд по вольной борьбе. И в этом главная трудность. В моем прошлом было и самбо, и дзюдо, и после армии рукопашный бой, но профессионально я занимался в основном боксом, да и то пока родители не запретили в категорической форме. Почему-то у них сложилось мнение, что я все мозги себе отобью этим занятием. Может, они и правы были, с института меня все же выперли, правда по другой причине. Но в конечном счете эта причина возникла именно из-за недостатка мозгов.

Теперь понятное дело, в партере с ним сражаться я не буду. Даже мой богатый опыт здесь не подмога. Нужно валить на дистанции при помощи ударной техники, но!.. Но я не могу его свалить с одного удара, а разукрасить всю морду лица в синий цвет – это залет конкретный. Дисбат, конечно, не светит, я даже присягу еще не принял, но скандал будет точно. Мне же репутацию беречь надо пуще всего, иначе карьеру в крайне нужной для меня сфере не сделаешь. Позже объясню, в чем причина такого поведения.

Нужно ограничиться нарядом на кухню, как в прошлый раз, а значит, тяжкие телесные повреждения, видимые невооруженным взглядом, исключаются.

Моя задумка проста и незатейлива: отбить ему нижние конечности, «отсшить», как говорят в такой ситуации. Бор-

цы вообще плохо держат удары по ногам, а Леча – чистый вольник, делающий ставку на свою звериную силу и ловкость. Вот здесь и вылезла мелкая проблема, грозящая провалить мой великолепный план. Немного потренировавшись прошлой ночью, я обнаружил, что мои реальные бойцовые умения и навыки на весьма скромном уровне, кроме непосредственно боксерских. Удары ногами и вовсе напоминают движения пьяной мухи, застрявшей в киселе. Вы пробовали провести лоу-кик ногой, обутой в изящный кирзовый сапог? То-то и оно. Для этого тренироваться нужно, причем долго и упорно, не один месяц. Килограмма полтора один сапог весит, поэтому резвости и скорости удару катастрофически не хватает.

Мне нужна нормальная спортивная обувь для важнейшей межнациональной схватки, и единственное место, где ей можно разжиться – у каптерщика в автороте. У сержанта Анисимова этого добра сколько угодно, точно знаю по прошлой жизни. Поэтому и отправляюсь к нему, не откладывая дело в долгий ящик.

– Товарищ сержант, можно обратиться?

Вышеупомянутый сержант, облаченный лишь в штаны и белую нательную рубаху, да в шлепках на босу ногу, сильно удивился. Не каждый день к тебе в каптерку заглядывают посторонние люди. Если быть точным, что вообще никогда.

– Можно Машку за ляжку, – ответил он дежурным армейским приветствием. – Ты кто?

– Рядовой Морозов, – сообщил я очевидную для меня, но не для других, информацию. – У меня к вам просьба.

Офигевший от такой наглости дедушка на некоторое время завис, но все же поинтересовался:

– Ты как мимо дневального проскочил?

– Тоже мне проблема. Морду кирпичом сделал, буркнул дежурному, что меня капитан послал срочно к каптерщику.

– И что, он тебя вот так пропустил? – искренне восхитился моей простоте дедуля.

– Уважает старослужащих. Сразу понял, что я по делу, а не посторонний.

Оно и понятно, «на тумбочке» стоит майский «пупок», отслуживший полгода, а сержант Анисимов уже полторашку отмотал. Не станет молодой возникать в такой ситуации. Чистая психология, тем более у меня сверток в руках для убедительности. С пустыми руками и с полными – это две большие разницы. Мало ли какие «дела» у кладовщика с компроты, они разные бывают, в том числе не слишком уставные.

Просьба моя, хоть и странная, но воспринята была с пониманием и даже с некоторым одобрением. Наверное, Серега вспомнил свою бытность в учебке и прое... утеранные вследствие кражи материальные ценности.

Воровство в казарме – это просто неизлечимая болезнь, заведется крыса – хрен выведешь. Обносят все: начиная от зубной пасты, подшивы, обувных щеток и крема. Деньги само собой. Усталость настолько тотальная, что всю ночь ка-

раулить физически никто не способен. Поэтому обчищают тумбочки под утро, когда разбудить солдата невозможно даже выстрелом пушки. Хотя по тревоге вскакивают все мгновенно. Вот такой парадокс.

Предложение оплатить хранение личных вещей у него в каптерке было воспринято с полным пониманием. Стандартная валюта при таких операциях – сигареты. Договорились, что услуга по сохранению непосильно нажитого имущества в надежном месте обойдется мне в две пачки болгарских сигарет за месяц.

То, что Серый не кинет и не подставит, я нисколько не сомневаюсь. Замечательный мужик, ему уже далеко за двадцать, правильный и справедливый, что не мешает ему «химичить» с начальством на почве усушки и утряски ценностей. Но тут должность обязывает, иначе и не держали бы.

В качестве деда ему цены не было, такое ощущение, что ему стыдно было гнобить молодых, и этим он резко отличался от основной массы своих собратьев.

Мы с ним близко сошлись, можно сказать, скорефанились на почве оформления дембельского альбома. Свел его с мастером кисти и карандаша, земляком Лехой, он в то время уже в штабе писарем служил, но, естественно, трудился по своей основной специальности – художником. Рисовал плакаты, украшал стенды, красил траву в зеленый цвет к приезду генералов.

Числился он в роте связи, и поэтому привлечь его к

оформлению выпускного альбома сержант Анисимов из автороты никак не мог. Я же договорился, в обмен получив комплект гаечных ключей для ремонта своей автомобильной колесницы. Лешке и вовсе повезло, он потом два месяца питался пряниками и сгущенкой, изображая Героя Границы и горные пейзажи в стиле социалистического реализма и военного романтизма одновременно.

Можно, конечно, спрятать ценное имущество где-нибудь на территории части. Это обошлось вообще бесплатно, но мне нужен был повод, чтобы войти в контакт с каптерщиком. Ведь это не только доступ к складским товарам, по ценам ниже себестоимости, но и связи, как здесь говорят – блат. А также доступ к информации и к другим «незадекларированным» опциям.

Все-таки послезнание дает серьезное преимущество тому, кто им владеет. Дал бы Серый просто так кроссовки какому-нибудь молокососу через четверть часа после первого знакомства?.. Да ни в жисть! И две пачки сигарет, полученные в качестве аванса, его не раздобрили. Поэтому пришлось проводить целую спецоперацию с использованием психологии и того самого послезнания.

Мучает ли меня совесть, что я втираюсь в доверие к хорошему человеку, используя такие приемы? Нисколько не мучает. Все ради дела, не для себя лично стараюсь. Тем более что все равно будем почти друзьями, но только через три месяца.

У сержанта две уязвимые точки, которые мне известны. Ни одного земляка-волгоградца за все время службы он так и не встретил, поэтому проникся к нам с Лехой симпатией, ведь мы почти рядом, только вниз по Волге. Это «рядышком» – километров четыреста, так что можно понять тоску Серегину по родным местам. Кроме того, у Серого есть младший брат, которым он очень гордится! Тот играет в основном составе волгоградского «Ротора» и подает большие надежды. Это, кстати, чистая правда, в «Спартак» он, конечно, не попадет, но после развала Союза волгоградский клуб неожиданно попадет в высшую лигу и даже займет призовое место, кажется. Нет-нет да мелькала фамилия Анисимова на экране телевизора, конечно же я помнил, чей это брательник играет.

Конечно, сержант не удержался от вопроса и поинтересовался, есть ли кто из его родного города. Грех было не воспользоваться такой возможностью.

– Не, оттуда никого не было. Хороший у вас город, товарищ сержант, красивый. У меня там родственники живут. В Красноармейском районе. Рядом с райкомом, в пятиэтажках... Может, знаете?

Родственники – это дочь, которая в этом доме снимала квартиру, когда в университет поступила. В далеком будущем. Потом перебралась ближе к центру, но там квартира в новостройке была, ее, может, еще и не возвели даже.

И контрольный выстрел:

– В сентябре к ним заезжал по пути. Мы на футбол с дру-

ганами решили смотреться. Только зря, ваши нашим три мяча накатали. «Волгарь» против «Ротора» не тянет.

Сергея аж подпрыгнул от радости, а когда я поинтересовался, не родственник ли его «седьмой номер» или просто однофамилец, то счастливый дедушка чуть обниматься не полез.

Предложил чаю, но у меня время вышло, построение на обед, судя по шуму за окнами, началось. Быстро попрощался, оставив сверток с вещами, пообещал заглянуть чуть позже и рассказать про матч и про полузащитника Анисимова.

Номер, кстати, наугад назвал, впрочем, брательник таких подробностей не знал, поэтому прокатило без проблем.

– Дневального я предупрежу. Скажешь, что земля моя, он пропустит.

Глава 7

– Хорош базлать, времени нет, кто там смелый, выходи, – мне надоели пустые терки, Жека откровенно плавал и сливался, и чем дальше, тем слабее выглядела его позиция. Его оппонент, Саламбек Евлоев, неожиданно ловко и хитро развел его, сведя обсуждение на не нужные второстепенные детали, цепляясь за неточности формулировок. Видимо, имел богатый опыт подобных мероприятий, очень уж профессионально жонглировал словами и смыслами.

Вообще, никогда не стоит недооценивать противника. Никто кроме меня не знает, что Саламбек отнюдь не дурак, хорошо знает несколько языков, в том числе турецкий и татарский, и на досуге любит почитать Теодора Драйзера. Именно с книгой в руках я застал его в библиотеке части, есть тут такая, между прочим. Позже он поделился со мной своей сокровенной мечтой, бережно сжимая в руках «Финансиста», – он обязательно станет миллионером. На дворе на тот момент, между прочим, был 1989 год, самое его начало, январь или февраль. За два года до ГКЧП и распада Союза. Не удивлюсь, если именно он стоял у истоков тех самых чеченских авизо, по возрасту как раз подходит.

В прошлый раз я решил рисануться и продемонстрировать умение крутить восьмерки солдатским ремнем. На самом деле, это весьма эффективное оружие в умелых руках,

напоминает и кистень и нунчаки, хотя, конечно, палки с цепочкой намного удобнее, но зато ремень можно официально носить, не нарушая закон.

Традиция использовать ремень с бляхой в нашем городе сложилась исторически, несколько мореходных школ и каждый пятый юноша в форме ходит с таким украшением. Так что махаться ремнем большинство умеет с детства. Довольно полезное умение, если провожаешь девушку в отдаленном микрорайоне. От толпы отбиваться – самое милое дело. Только надо аккуратнее, снять скальп бляхой или выбить глаз – раз плюнуть.

И если в прошлой реальности я всерьез надеялся поработать ремнем, то сейчас делал это с единственной целью, чтобы не нарушать хронологию. Иначе вместо Лечи окажется другой противник, а мне это категорически не нужно.

Так что, когда вперед всех из толпы вывалился орангутанг в камуфляже, я вздохнул спокойно. Отдал ремень Жеке и легко «затанцевал» на месте, откровенно имитируя боксерскую стойку. Не надо раскрывать все козыри раньше времени.

И если в глазах у Лечи читалась насмешка, разбавленная презрительным превосходством, то Саламбек, наоборот, резко нахмурился, странно посмотрел на мои старые потрепанные кеды и попытался что-то подсказать своему земляку, но тот лишь отмахнулся. После чего стянул рубаху, чтобы продемонстрировать богатырскую мускулатуру. Гора мышц

произвела впечатление.

Я не стал выпендриваться и камуфляж снимать тоже не стал.

Подготовка к схватке по ощущениям заняла больше времени, чем сам поединок.

По всей видимости, Лечо знал, что я боксер в прошлом, информацию аккуратно слили через Магу. Он, кстати, по ту сторону баррикад оказался, снюхался с чехами. Именно поэтому Леча так и не понял, что происходит. Ожидая, что я буду работать руками, он пропустил три подряд лоу-кика по внешней поверхности бедра, после чего потерял малейшие шансы на успех, стал заметно подволакивать ногу и морщиться от боли. Решимости у него не убавилось, как и ярости, а вот прыти уже намного меньше стало.

Я же просто кружил вокруг, поочередно обрабатывая то левую, то правую ногу. Доберись ингуш до меня, парой сломанных ребер не отделаюсь. Добить я не успел, всего парочки ударов не хватило, откуда ни возмись, выскочил капитан Самойлов, и схватка тут же прекратилась.

Может, и к лучшему, – подумалось мне. Моя победа и так очевидна, а добивать не обязательно.

В результате отделался легким испугом и нарядом по кухне, с формулировкой за нарушение формы одежды. Это намек на мои кеды, за которые я больше всего переживал – брату знаменитого футболиста их вернуть обещал. Капитан не стал устраивать бучу, хотя в мою версию, что здесь брейк-

данс разучиваем, не поверил ни на грош. Слишком удачно он объявился, наводка сто процентов была. Кто-то стучит со страшной силой, не особо стесняясь. Хотя чего бояться, учебка пролетит быстро, и разбегутся все по горам и заставам, а там и взятки гладки, никто не вспомнит. Стукач – явление повсеместное и неискоренимое, но от этого не менее пакостное, хотя, наверное, и необходимое тоже.

Кеды спасти удалось, их Жека незаметно сунул за пазуху и вынес из зоны досягаемости, я же напялил кирзачи и отправился отбывать наказание. Оказалось, что я уже час как в наряде, о чем мне и сообщил довольный, как паровоз, капитан Самойлов. Задним числом оформит, гад. Еще и танцором диско обозвал напоследок. Как бы ни прилипла кличка, стыда не оберешься. Здесь этот термин еще не имеет голубого оттенка, но все равно обидно. Думать надо заранее, когда отмазку сочинишь – на будущее наука.

Хорошее настроение исчезло сразу, как только я прибыл в столовую. Опять память сыграла со мной злую шутку, спрятав в укромные закутки мозговых извилин подробности кухонного бытия солдат первого месяца службы.

Бывал я в нарядах многократно, но самые кошмарные именно эти первые были. Стечение обстоятельств. Численность населения в отряде за счет призывников увеличилась вдвое, а значит, и количество едоков выросло пропорционально. Но никто не будет полностью менять штатное расписание и численность кухонных работников из-за такого пу-

стяка! Поваров добавили, а остальные и так справятся, не впервой, однако. Трудности солдата закаляют – это еще одно незыблемое армейское правило.

И второе следствие из этого же обстоятельства, но уже более конкретное: в учебке народ находится временно, поэтому заботиться о них, как о «своих», не обязательно. Из личного опыта помню, что как только новый призыв после выпуска разбросали по заставам, так качество питания в отряде мгновенно улучшилось в разы.

Раньше не задумывался, но теперь точно понимаю, что не случайность. И понимаю я это, глядя на ванну, почти доверху заполненную черной липкой грязью.

Литров сто пятьдесят или двести отборного чернозема вперемешку с картошкой. Именно ее мы и должны почистить на четыре сотни человек. Хотя слово «картофель» на ум приходит в последнюю очередь. Самые крупные клубни размером с грецкий орех, мелкие и вовсе соревнуются с горохом за звание жемчуга армейской кухни. И все это перемешано с землей в пропорции один к двум, причем не в пользу овощей.

В качестве ориентира и цели нашего пребывания на кухне выступают четыре ржавеющие емкости, литров по двадцать каждая, которые надо заполнить благородным картофелем без примесей и кожуры. Проще говоря, почистить надо, переработать эту ванну.

Просто взять и выкинуть это свинячье месиво на помой-

ку нельзя, семьдесят килограммов чищенной картохи тогда неоткуда будет взять. И весь отряд останется без супа и второго на обед. А нарушители порядка перейдут в статус рецидивистов со всеми вытекающими. Поэтому придется чистить этот картофельный горох всю ночь. В прошлый раз мы закончили в четвертом часу утра, а для дежурных по кухне подъем предусмотрен в шесть утра, чтобы успеть подготовить столы к завтраку. Заступая в наряд, можешь рассчитывать на четыре часа сна – это здесь в порядке вещей. Нам и этого не достанется. И это очень плохо, у меня важные планы на ближайшие дни, вплоть до первого выхода в город. Естественно, ночью. Без нормального сна я постепенно превращаюсь в выжатый лимон или, скорее, в овощ.

Еще раз осмотрев ванну, словно в ней могло что-то измениться за последние несколько минут, пришел к выводу, что вручную мы как раз к утру и закончим. Проблема даже не в том, что такую мелкую картошку чистить труднее и дольше, а выход полезного продукта мизерный, а в том, что прежде чем приступить к сражению с кожурой, надо убрать налипшую землю. И это займет времени даже больше, чем основной процесс. Поскольку вода только холодная, точнее ледяная, а из орудий труда – лишь одно кривое, побитое жизнью, эмалированное ведро. Хочешь в нем картошку отмывать, хочешь воду в нем таскай из соседнего помещения. Грязь же необыкновенная: липкая и не размачиваемая в принципе, больше похожа на глину, только почему-то черного цвета.

Короче – мечта солдата.

Кроме меня в команде кухонных каторжан еще четверо, ни одного знакомого лица, даже приблизительно не могу вспомнить, кто такие. Впрочем, мне с ними детей не крестить, мне с ними картошку чистить.

На возмущенные реплики, что все работают и только «Чапай думает», я ничего по существу не ответил, лишь философски веско заявил, что от нее, от работы, не только конидохнут. После чего отправился на разведку, которая принесла первые плоды: в одном из цехов был обнаружен шланг, который и был приватизирован в лучшем виде. Впрочем, в нынешнее время в таких случаях говорят «скоммуниздил». То есть общественное имущество перевел в статус личного. Хотя какое же оно личное, если для солдат стараюсь?

Присобачив шланг к крану при помощи проволоки и народных выражений, обычно не используемых в литературе, решил проблему водоснабжения, за что был удостоен благодарности от общества. Теперь не надо таскать воду в руках, а это минимум час времени сэкономил уже.

Оценив результаты моей умственной деятельности, коллектив уже не возражал против дальнейших инициатив.

– Бесполезно, мы уже пробовали.

В нашей конурушке кроме нас, ванны и пустых бачков для чищенной продукции присутствует еще один агрегат. Удивительно, но это... Картофелечистка автоматическая! Порождение сумрачного гения любимой советской промышленно-

сти.

Оказывается, партия и правительство заботится о нуждах простых солдат, поэтому и создали этот шедевр механической обработки клубней.

Теоретически этот монстр в стимпанковском стиле должен облегчать труд кухонным работникам, на практике лишь усложняет. Нормы рассчитываются исходя из его наличия, а чистить все равно приходится вручную.

Конструкция проста и незатейлива, хоть и монстрообразна. Есть электродвигатель в защитном кожухе, на который сверху установлен вращающийся барабан-сепаратор. Короче, хрен поймешь, как его правильно называть. Некая помесь ведра и казана, в котором плов местные аборигены делают. Изнутри емкость обложена... нет, не матом она обложена, а наждачным камнем, который и должен сдирать кожуру. Все гениальное – простынь, как говорил Заратустра. Или это Петросян в «Аншлагге» говорил? Не важно, кто-то из великих.

Внутри этого казана-барабана засыпается картошка, и во время вращения кожура с нее сдирается. Чисто теоретически. В реальности поверхность наждака давно стерлась и ничего не счищает, кроме грязи. Именно для этого она тут и стоит. С паршивой овцы хоть шерсти клок. Но только не в нашем случае. Мерзкая глина мгновенно забивает поверхность наждака и покрывает барабан изнутри идеальным скользким слоем. Результат получается нулевой.

Проблему решили после мозгового штурма. Нашли кучу песка рядом со столовой, благо он тут всегда лежит – на моей памяти строительство легендарного бассейна так и не закончат никогда. Несколько поколений дембельских аккордов на нем сломалось. Дембельский аккорд – это некое отдельное задание, которое дает командир группе старослужащих, выполнив которое они могут тут же уехать домой.

Сделал, например, ремонт свинарника за три месяца – идешь на дембель в июне, а не в августе, как все. Все только от тебя зависит. Как закончишь, так в путь. Но для этого придется хорошо поработать дедушке, причем своими собственными руками. Довольно интересный способ заставить дембеля на последних месяцах ударно и с энтузиазмом поработать. Некоторые даже по ночам этот бассейн рыли. Но обычно сдавались через несколько недель, осознав, что его и за год не закончишь.

Добавив в сепаратор полведра песка на полведра картошки, получили вполне приемлемый результат. Трение увеличилось, и при быстром вращении грязь начала отделяться от картофельных клубней. Все же таскать песок проще, чем в ледяной воде руками жирную липкую глину сдирать.

По моим прикидкам мы уже к двум часам ночи должны все закончить, но мне этого мало.

– Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец.

Если бы на кухне был кто-то кроме нас, я бы попытался решить проблему по-хорошему, не преступая рамки прили-

чий. Договорился бы и обменял пару пачек сигарет на пару мешков нормальной картошки. С другой стороны, то, что нам подсунули – это за гранью и совести и стыда. Такое даже обитатели отрядной свинофермы жрать не будут. Я четвероногих обитателей имею в виду, двуногие как раз просто сожрут, особенно если на смальце жарить ночью. Впрочем, они тоже не сами чистят, а молодых запрягают. Но там объемы смешные – на десять человек всего. То ли дело у нас – полтысячи ртов наберется, включая офицеров.

– Не для себя стараюсь, – фраза в последнее время звучит подозрительно часто и уже напоминает буддистскую мантру. Во искупление грехов...

С этими словами я вскрыл дверь в овощехранилище. Ничего сложного – где ключ лежит, я по прошлой жизни помню.

Сильно не нагтели, взяли мешок картошки, ну и пару килограммов морковки заодно. Чисто для себя, витаминов погрызть. Впрочем, морква выглядела такой печальной и вялой, что наличие витаминов в ней показалось сомнительным.

Коллеги, войдя во вкус, предложили стащить сразу пару мешков, чтобы не мучиться и закончить до часу ночи, но я пресек на корню такие идеи. Повар не дурак и прекрасно помнит, какого размера была картоха изначально. И если вдруг она утром резко увеличится в несколько раз, то сделает правильные выводы. И тогда песец котенку.

Последнюю фразу не поняли, но интуитивно догадались, о чем она, поэтому доводы были признаны разумными, а лучшее – враг хорошего, как говорят рабочие завода АВТО-ВАЗ.

Закончили мы до часу ночи, даже с одним мешком. Спать я лег с чувством выполненного долга, причем дважды за сутки выполненного.

Определенно, мне начинает нравиться такая жизнь.

Глава 8

Нас наконец разделили по специальностям и начали дрессировать всерьез. Леха, как и ожидалось, попал в роту связи, я же пошел по проверенному временем пути – подался в шоферы. В казарме мы по-прежнему рядом, но видимся теперь редко, только на построении и в столовой да вечером перед сном. Зато оба татарина вместе со мной, пока учебку не закончим, позже наши пути наверняка разойдутся. К ним в комплекте Жека и Мишка-шахтер, также обладатели заветных водительских корочек.

Следует сделать некое отступление. У стороннего наблюдателя может сложиться впечатление, что в этом времени царит перманентный и нескончаемый бардак. На самом деле это, наверное, так и есть, и вместе с тем парадоксально, но это все прекрасно работает, шестеренки крутятся, народ живет, и нет никакого ощущения безысходности. Наоборот, все вокруг излучают оптимизм, думают о будущем исключительно в радужных тонах.

Здесь все странное и удивительное, сочетание невозможного и невероятного. Тотальный фантастический бардак – и при этом все нормально работает! Как это возможно – загадка, неразрешимая для меня.

Казалось бы, картошка, годная только для прокорма парнокопытных пятачковых, предполагает плохое качество

жратвы. Однако же нет! Еда в столовой вполне себе нормальная, сытная и местами даже вкусная. Понятно, что хлеборезы свою долю откусывают, но шайбу сливочного масла на завтрак и ужин с хлебом, кашей и чаем ты обязательно получишь. При том что масло в этих краях жуткий дефицит и стратегический товар.

Что касается службы, то здесь порядка больше, но не намного. Разгильдяйство и раздолбайство, пофигизм и хитрожопость отдельных граждан в порядке вещей. Здесь вообще все прапорщики из местных, поэтому можно догадаться, как оно все функционирует. При этом на качестве боевой службы это практически не сказывается, поскольку офицеры обычно отличаются от прапорщиков и умом и профессионализмом.

Но если вникнуть в суть, то государственный механизм работает удивительно надежно. Это снаружи бардак и разгильдяйство, а внутри действует жесткая плановая экономика. Военская часть – это огромный и сложный организм, и он работает годами без малейших сбоев. Это и техника и ее обеспечение, и топливо, и запасные части, и логистика на два десятка застав на сотни километров по горным серпантинам. И сотни тонн продуктов в месяц, тысячи комплектов обмундирования, десятки наименований инженерного оборудования и вооружений. Все это в гигантских объемах, и попробуй хоть в чем-то накосячить – вздрючат за милую душу, и поедешь в Анадырь оленей сторожить.

И это не считая самой боевой службы по охране границы! Именно поэтому, исходя из сложности поставленных задач, вопрос подготовки кадров становится важнейшим. Теоретически шоферов должен готовить ДОСААФ еще на гражданке, вообще-то это одна из его основных задач. Но в реальности никто сразу не доверяет баранку водятлу после таких курсов, как там готовят – одному богу известно. А поскольку СССР – страна победившего атеизма, то никому не известно, кого готовят и как.

Поэтому ближайшие три месяца и мы и связисты будем постигать свои профессии фактически заново, некоторые так просто с нуля. Есть, конечно, исключения, обычно среди тех, кто успел пошоферить перед армией, но в подавляющем большинстве новобранцев выпускать за ворота части на автомобиле категорически нельзя. Тем более в горы! У связистов чуть проще, азбука Морзе пешеходам не угрожает, как ты ее ни коверкай.

Погрузившись на два стареньких «зилка», мы отправились на полигон. Здесь под руководством старшего прапорщика Зейналова мы и будем постигать все тонкости водительского мастерства.

В прошлой реинкарнации мое умение управлять грузовиком могло испугать даже видавшего виды прапора, и это не удивительно. Водительские права мне удалось получить в пятнадцать лет, еще в школе. Была такая замечательная традиция в старших классах – ходить раз в неделю «на УПК»,

получать рабочую специальность. УПК – это учебно-производственный комбинат, где школьников учили всяким разным полезным, или не очень, навыкам: слесарному мастерству, умению управлять станками с ЧПУ или на механизатора учили. Список огромный, на все вкусы. Мне досталась водительская судьба, и за два школьных года я не только выучил правила движения и устройство автомобиля, но даже пару раз проехал на грузовике в общей сложности метров пятьсот.

В советское время сдать экзамен в ГАИ было настолько просто, что никому в голову не приходило давать взятку за это. Поворотник включил, с места тронулся и не заглох, на тротуар не заехал – значит, сдал, «следующего из кузова позови». Так и получил заветную корочку, со штампиком внизу: «Действительно по достижении 18 лет».

Отдельно стоит сказать пару слов о самом полигоне. Главное его украшение – роскошные гранатовые сады по всему периметру. Зрелище завораживающее: зеленые деревца (по версии ботаников – кустарники), сплошь усыпанные красными яркими плодами, выглядит все это, словно декорации к сказкам. К сожалению, гранаты не съедобные, хотя наверняка витамин С присутствует – кислятина жуткая. То ли не сезон еще, то ли дикий сорт какой-то, наподобие знаменитых испанских апельсинов, удивляющих руссо-туристов тем, что растут прямо на улицах.

Выбрались из кузова, и только сейчас я понял, что вторая

машина в нашей короткой колонне – это бывший мой грузовик. Еще не покоцанный передок, и на заднем борту нет обломанной доски, но это точно мой старый верный «зилок». Борт повредят позже, когда будут тянуть на сцепке в отряд. Это и будет его последний путь, восстанавливать не станут, движок на списание. Но до этого еще полгода минимум, и пока старичок бодр и относительно свеж, лишь движок «троит».

Пока прапорщик планировал организацию процесса, я подошел к старому железному другу и под удивленным взглядом водилы погладил по капоту, словно верного коня.

– Карбюратор отрегулировать надо бы, – не слишком логично пояснил я странные для стороннего наблюдателя свои действия. – Отвертка есть?

Ефрейтор, судя по всему, из майского призыва – опытного водятла на эту колымагу никто не посадит, тут же нашел отвертку и любезно распахнул капот, приглашая подтвердить свою квалификацию. По всей видимости, проблема достала оператора стальной колесницы, а решить ее самостоятельно он не мог. К тому же машина явно у него временно, и возиться с ней ему просто неохота.

Прапорщик попытался возмутиться, но был вежливо отфутболен. Гражданин Зейналов авторитетом в части не особо пользовался, и поэтому его мнение было проигнорировано.

Между прочим, зря. Это водиле все пофиг, у него свое

начальство и чужой прапор ему не указ, а вот молодняк в учебке – это существа бесправные и подневольные, что тут же и было продемонстрировано.

Злой, как собака, прапор решил отыгаться на тех, кто ответить не может. Поскольку теперь весь народ в одну машину не помещается, то вопрос был решен кардинально. Один садится за руль, рядом с ним в качестве инструктора – прапорщик, а остальные... бегут вслед за машиной колонной. Через некоторое время водитель меняется местами с одним из бегущих спортсменов.

Честно говоря, я офигел. Меня эта участь миновала, вместо этого я занялся настройкой карбюратора и чисткой свечей, но получилось, что я ненароком подставил своих товарищей.

– Нехороший человек этот прапорщик, – прокомментировал я ситуацию, правда несколько иными словами.

– Гад еще тот, – охотно согласился ефрейтор. – Радуйтесь, что пока без противогазов и ОЗК бегаете. Нашей кровушки он попил – не дай вам боже.

По-хорошему, карбюратор надо бы снять, промыть и прочистить, но не в полевых же условиях это делать, да еще и без инструмента – с одной отверткой. Поэтому просто подрегулировал немного, вывернул и почистил свечи, после чего движок заработал более или менее ровно.

– Водишь нормально? Тогда вперед, прыгай за руль, догоняй своих.

Нагонять долго не пришлось, если первый курсант тронулся и поехал нормально, то сменивший его водила, то ли от волнения, то ли от неопытности, заглох сразу, да так и не справился со сцеплением. Скорее всего, двойной отжим не дается, парнишка явно только на легковой ездил. Только тронется и тут же глохнет.

Так что устать народ не успел, со всеми остановками и километра не проехали. Но утешает это слабо – пыли наглотались на месяц вперед. К тому же прапорщик явно не успокоится и продолжит экзекуцию в следующий раз, а после присяги еще и в резиновом комбинезоне бегать придется за автомобилем. И возразить особо нечего – обычная тренировка по всем формальным признакам.

Отсюда напрашивается вывод: прапорщика надо убирать. Не в том смысле, какой принят в следующем веке, а всего лишь буквально. Поменять его на кого-то более вменяемого.

Уровень вождения у меня оказался неожиданно высоким, поэтому больше за руль меня не пустили, что логично – добрая половина молодых шоферов не могли нормально ехать даже по прямой. Похоже, мне три месяца в кузове придется изображать балласт, либо бегать «паровозиком» за автомобилем.

Не успели вернуться в часть, как последовала команда навести марафет, почистить сапоги, привести себя в порядок и следовать к «доктору».

На самом деле, в медпункте, расположенном в штабе ча-

сти, мы даром никому не сдались, фельдшер нас даже смотреть не стал, отправив дальше по коридору в сопровождении сержанта.

– Входить по одному, не шуметь, никуда не разбегаться, – выдал инструкцию дежурный и оставил нас в коридоре перед дверью, обитой зеленым дерматином. Никаких надписей, лишь номер кабинета в виде двух медных цифр: «13», символично, однако.

Мне и гадать не надо, кто сидит за этой загадочной дверью. Начальник особого отдела части, майор Жилинский. Знаковая фигура, один из трех китов нашей боевой триады. На самом деле у нас не одна воинская часть, а сразу три, расположенные в одном месте, только об этом мало кто догадывается. У них даже номера полевой почты разные. Особый отдел, существующий, впрочем, во всех частях Советской армии и флота, и разведотдел, несмотря на скромное невнятное название, – очень серьезная структура, возглавляет которую целый полковник. Многие мои сослуживцы, прослужив два года, даже не подозревали о существовании этого подразделения, за исключением связистов, непосредственно связанных с разведкой. В лучшем случае на уровне слухов и домыслов. По официальной версии их деятельность ограничивается Контрольной радиостанцией (КРС) и прослушиванием эфира на сопредельной стороне, хотя, конечно, радиоволны границ не признают, и поэтому станция находится на нашей территории, в двадцати километрах от части.

Но это лишь верхушка айсберга, на самом деле здесь функционирует полноценный разведывательный центр, нацеленный на работу по ту сторону контрольно-следовой полосы.

В ведении разведотдела не менее десятка секретных «офисов» по всем соседним районам. Обычно это какая-то мутная контора с невнятным профилем деятельности и непроизносимым названием. Что-то вроде Научно-производственное объединение «Хазар» Закавказского треста «Инженеркабель-связь», Пришибский участок, ПМК-5.

Что самое удивительное, эта «Передвижная механизированная колонна номер 5» действительно изображает трудовую деятельность, роет траншеи, прокладывает кабель, ставит какие-то вышки. Единственное отличие от обычной советской конторы подобного профиля – то, что местные там обычно не работают, а милиция такие организации обходит дальней стороной.

Откуда мне это ведомо? Дык, я восемь месяцев возил начальника разведотдела полковника Джафарова. Естественно, за это время узнал о существовании почти всех таких «секретных» объектов, даже парочку конспиративных квартир в Лениноране приблизительно вычислил ради развлечения. Для иранской разведки я, наверное, очень ценный источник, но, к счастью, они о моем существовании не подозревают. Да и работают персы в основном среди местных, большей частью по исламским каналам.

Так что внимание от Корпуса стражей Исламской революции мне не грозит. КСИРовцы вообще самые адекватные из всех соседних спецслужб по периметру СССР, хотя сейчас ими усиленно пугают, как религиозными фанатиками, но в следующие четверть века они никогда не вредили нам, а наоборот – всячески содействовали. В поддержке чеченских сепаратистов не участвовали, подрывную деятельность против Союза никогда не вели.

Парадоксально, но Иран всегда выступал против отделения Азербайджана и никогда не претендовал на эту территорию. Это обусловлено тем, что в самой Персии живет очень много азербайджанцев, до сорока процентов населения, но правят в стране исключительно этнические персы. И присоединение Азербайджана к Ирану, о котором сейчас начали вслух говорить в Баку, очень пугает персов, поскольку они могут стать национальным меньшинством в своей собственной стране. Этнически и культурно азеры намного ближе к туркам, у них даже языки очень похожи, в отличие от персов, говорящих на фарси. Турки – извечные противники и конкуренты, поэтому независимый Азербайджан тут же окажется под их сильным влиянием.

Так что в ближайшие тридцать лет угрозы от Ирана нет никакой, они бы, наверное, стали нам верными союзниками, если бы СССР не сделал ставку на Саддама Хусейна во время ирано-иракской войны.

Этот необходимый экскурс в региональную геополити-

ку, чтобы в общих чертах понять, что вокруг происходит. В «прошлой исторической редакции» такого понимания не было вообще ни у кого, эта окраина угасающей империи мало кого интересовала, а между тем ситуация меняется с каждым месяцем в сторону ухудшения. Но никто на это не реагирует, в Москве сидит Горбачев, который в конечном итоге прое... профукает все, что можно. Придурковатый алкаш Ельцин уже начал свое разрушительное восхождение, Коммунистическая партия разваливается на глазах, парад суверенитетов бывших братских республик начнется всего через полгода.

И лишь КГБ... я бы сказал, что тоже ни хрена ничего не делает.

Товарищ майор выглядел в точности, как старина Мюллер из кинофильма «Семнадцать мгновений весны». Такие же умные с хитринкой глаза, добрый отеческий прищур, импозантная лысина, только особист чуть моложе своего киношного прототипа и форма не от Хуго Босса, а обычная – советская. Зато должность почти в точности такая же, как в фильме. Особый отдел ловит шпионов и предателей, но если смотреть правде в глаза, то ловит он их чисто теоретически.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.